

Карина Демина

**Портрет
моего мужа**

Карина Демина
Портрет моего мужа

«Автор»

2019

Демина К.

Портрет моего мужа / К. Демина — «Автор», 2019

Когда-то Мар был молод, красив и амбициозен, а я – в достаточной мере наивна, чтобы поверить в любовь наследника древнего рода к простой нейте.

Поверить. Довериться. И бежать, потому что, как оказалось, заключить брак куда проще, чем его расторгнуть. Прошло пятнадцать лет. И вот теперь Мар, любимец короны и самый молодой канцлер в истории королевства, вновь на пороге моего дома. Что ему нужно? Мелочь, всего-то сыграть в примирение, а заодно найти того, кто желает смерти моего дорогого супруга. Всего-то месяц в его родовом поместье, среди любящих родственников, и я, наконец, получу долгожданную свободу. Если верить Мару. Но я точно знаю: Мару верить нельзя.

© Демина К., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	20
Глава 4	24
Глава 5	30
Глава 6	36
Глава 7	41
Глава 8	46
Глава 9	53
Глава 10	58
Глава 11	65
Глава 12	71
Глава 13	78
Глава 14	83
Глава 15	88
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Карина Демина

Портрет моего мужа

Пролог

Рядом с морем оживали мертвецы.

Здесь и сейчас их присутствие Кирис ощущал особенно остро, а поэтому норовил закрутиться в плащ, будто пропитанная каучуком ткань могла защитить от пронизывающего ветра.

– Сдаешь, – заметил человек, которого со стороны можно было бы принять за рыбака. У него и лодка имелась, узкая и длинная, как и полагается хитрой сардине, способной и сквозь прибрежные рифы пробраться, и от патруля уйти.

Сам человек был невысок, коренаст и облачен в одежду простую.

Деревянные башмаки его увязли в песке, а серые плотные чулки гляделись колючими с виду. Кожаные штаны успели обзавестись характерным налетом соли, как и потрепанная куртка, в карманах которой скрывалось немало полезного.

– Мое присутствие там лишено смысла, – Кирис поднял капюшон.

В кармане лежал сверток, ради которого и была затеяна встреча. Странно было думать о стоимости того, что пряталось в клетчатом платке, небрежно обернутом куском бечевы.

Его собеседник лишь хмыкнул и вытащил трубку.

Он сел на перевернутую лодку, ноги расставил, пропахав в песке глубокие линии, которые начали наполняться водой. Море никогда не уходило далеко, оно и сейчас знакомо шелестело, повторяя имена, будто опасаясь, что Кирис возьмет и забудет.

– Сколько лет потрачено и... зря...

– Так уж и зря?

Дым поднимался, но невысоко, будто упираясь в сизую небесную твердь. Он расплзался, отгоняя редкий по осени гнус, и вызывая у Кириса желание чихнуть.

– То, что я передал, это мелочи... так, пара взяточников и только. Сауле... конечно, другое дело, но одних ее слов недостаточно. Тем более при нынешней репутации.

Человек кивнул.

Согласился.

– Лайма... не пойму. Она то готова ему ноги целовать, то ненавидит... ненадежно, кроме того опять же, вряд ли она знает много.

– Старшая?

– Предана. Не столько сыну, сколько собственным интересам. А падение рода в них не входит. Впрочем, если почувствует угрозу для себя лично, то станет договариваться. Правда... сомневаюсь, что от нее будет польза. Он осторожный засранец.

Кирис сел.

Он смотрел на море, сизое, бугристое, на скалы, облепленные ракушками, на зеленоватый зыбкий песок, который вскоре окажется под водой. Откуда-то издали ветер доносил дым и запах свежего хлеба, копченой рыбы, но есть не хотелось.

Показалось, кто-то коснулся затылка...

...рассмеялся.

Кирис, Кирис, неужели забыл? Все берега похожи друг на друга, и тебе лишь достаточно подойти к воде, позвать...

...кого ты хочешь увидеть?

Он вздохнул, отрешаясь от голоса. Это все Бейвир с его легким безумием, которое витало в воздухе, пропитывало стены древнего дома и обитателей его. Они, надышавшись, напившись этого безумия, давно походили на людей лишь внешне.

Только об этом следовало помалкивать.

– А мальчишка? – человек выпустил трубку и выдохнул дым. – Он... как?

– Не могу понять. Возможно, и вправду сумасшедший, а может... там время давно остановилось. Я не знаю, – Кирис вскочил, и море всхлипнуло под ногами. Оно цеплялось за ботинки, норовило подняться выше, обещало, что если он позволит... – Каждый день, словно отражение предыдущего. Предыдущих. У меня появляется чувство, что я сам схожу с ума. И он это знает, клянусь... и ждет, когда же...

– Успокойся.

Ветер подул, пытаясь из пены вылепить фигуру.

Вельма?

Или...

Кровь на руках никуда не делась, Кирис вновь ощущал ее запах. И это чувство слегка стянутой кожи, влажноватой грязи, что застынет, забьется под ногти.

Замутило.

– Или меня травят, – этого он тоже не исключал. – Эйта Ирма... очень талантлива.

– Тоже возможно, – из кармана куртки появилась пуговица, с которой свисал пучок разноцветных нитей. – Носи при себе. Очень полезная штука.

Плетение было незнакомым.

Да и сам амулет выглядел на редкость несерьезно. Предложи его кто другой, Кирис решил бы, что над ним издеваются, но вот Корн подобной привычки не имел. На молчаливый вопрос ответил, правда, не сразу.

– Один... очень хороший артефактор сделал. Пользуйся. Об отраве предупредит, кое-где кровь почистит... не сказать, чтобы вовсе спасение, но получше стандартного будет. Да и хватит на дольше.

По ребру пуговицы шел узор из рун, настолько мелких, что Кирис дважды прощупал, прежде чем удалось уловить хоть что-то знакомое.

– А...

– И потерпи, – Корн вытряхнул трубку на песок и каблуком втоптал пепел, а набежавшая волна послушно стерла следы. – Скоро это гадючье гнездо зашевелится. Предложение ему уже сделали...

Спокойное лицо перекосила маска ярости.

...и шепот море стал четче.

Неужели думаешь, Кири, что только ты его слышишь? Мертвецы, они ведь за каждым стоят. Ждут, не дождутся. Или наоборот, дождутся?

Он убрал пуговицу во внутренний карман и почти не удивился, когда та нагрелась. Стало быть, все-таки травят. Оно, конечно, ожидаемо, но все равно неприятно. И ведь действует, несмотря на стандартный антидот.

– Жжется? – почти с сочувствием поинтересовался Корн, только глаза его смотрели не на Кириса, а на море. И выражение лица... будто ждет.

Жадно ждет.

С нетерпением.

Кого? Ответ известен, как и то, что подобное ожидание до добра не доводит. Морю нельзя верить, с него станется заманить лживыми обещаниями. Впрочем, люди не лучше.

– На вот, – из другого кармана появилась целая связка амулетов. – Чувствую, пригодятся. Да не смотри, мне они перепали, так сказать... по-родственному.

Корн вздохнул.

И потянулся.

– Он не устоит. И от предложения отказаться не сможет, королям не отказывают, и камни не захочет из рук выпустить. Мар всегда был болезненно жадным засранцем. Жадность его и сгубит... в общем, жди. В любом случае, он скоро отправится в гости и вернется не один.

Корн поднял гладыш, смахнул прилипшие песчинки и, взвесив на ладони, запустил. Правда, море игру не поддержало, покачнувшись, оно расступилось, чтобы сомкнуться уже над камнем.

– Только... – Корн повернулся. – Смотри. Если ошибешься снова, я лично тебя на этом вот берегу закопаю.

...призрачный смех Вельмы был ему ответом. А во рту появился солоноватый привкус крови. Вздохнуло море: оно тоже не любило, когда прошлое возвращалось.

Глава 1

Рядом с Маруном я всегда ощущала себя полным ничтожеством. А это злило. Несказанно злило. И пальцы дрогнули, сжимая брошь с вплетенным заклатьем. Я с трудом подавила подленькое желание кинуть ее в корзину, сделав вид, что к броши этой отношения вовсе не имею, так, случайно взяла, но Мар повел бровью и небрежненько этак бросил:

– Прекрати, Эгле, я и вправду хочу с тобой поговорить.

Он провел пальчиком по прилавку. Поднес оный пальчик к своему носу, украшенному аристократической горбинкой, хмыкнул:

– У тебя здесь пыльновато. Убираться не пробовала?

– Некогда, – буркнула я, испытывая преогромное желание за прилавком спрятаться. И закрыть уши, чтобы не слышать Мара.

Явился.

...а ведь не было ни чужих кораблей, ни мальчишки, которого хозяин острова всенепременно отправил бы, предупредить меня. И вот вопрос, откуда Мар взялся? Договорился с кем-то из свободных капитанов? Осень. И не многие рискнут пойти морем, да и, что куда важнее, рассориться с Тересом, который подобного неуважения не простит.

Я вздохнула и повернулась к окну, за которым, как и вчера, позавчера и треклятую бездну дней до того, простирался пустынный, вылизанным морем до белизны, берег.

А ведь так хорошо все шло. Семь лет покоя, когда я почти поверила, что ему надоело судиться, почти привыкла считать себя свободной – ладно, почти свободной, – женщиной, и вот, надо же, снизошел. Стало быть, что-то ему от меня понадобилось, то есть что-то помимо тех моих патентов, которые хитрым вывертом нашего законодательства считались собственностью супруга.

Как моя одежда.

Обувь.

И я сама.

Что ж, у высокого брака есть свои недостатки.

– Некогда, – мурлыкнул Мар, наклоняясь. От него несло дорогой туалетной водой, сладковатым ароматом цитрона, которым щедро сдабривали бриллиантин марки «Злот», стало быть, не изменил привычке. И сигарами тоже пахивало. Коньяком... столько лет прошло, а я помню все эти запахи, будто только вчера... еще помню, как умел он голову морочить. Вот перемахнет сейчас через прилавок, который для благородного эйта и не препятствие вовсе. Обнимет. Погладит по волосам и скажет:

– Что ж ты так, Эгле? Ведь у нас все могло быть иначе...

Я стиснула кулаки.

Ну уж нет. Хватит. Наслушалась. Дышать надо глубже, да и успокоиться. Ничего он мне не сделает. Не здесь. Свободная земля. Свои законы.

...а с хозяином у меня дела.

Хозяин вообще чужаков не любит, а уж тех, кто делам способен повредить, и подавно.

...места здесь пустынные, море норовистое, а в лабиринтах местных скал, случалось, весьма опытные люди пропадали. Ольс, он умеет хранить секреты.

– Знаешь, дорогая, – Мар замер, разглядывая слегка промасленную гайку, которая закатилась под кривобокую вазу. В ней почтенная вдова, которой, собственно, и принадлежала мастерская, держала сушеные рыбы головы.

На Ольсе люди были... несколько странными. Но я привыкла.

Мар же ткнул в вазу пальцем и произнес:

– Мне кажется, нам пришла пора кое-что изменить в наших отношениях.

– Ближе к делу, – я дала себе слово, что не позволю его втянуть меня... не знаю, во что, но всяко не идущее мне на пользу.

Не позволю и все тут.

Хватит.

Да, раньше я была дурочкой... такой вот умненькой дурочкой, которой даже эйт Лённрот, известный своей нелюбовью к слабому полу, пророчил неплохое будущее, и которая сама, собственными, можно сказать, руками, это будущее похоронила.

А ведь предупреждали...

* * *

С Маром я познакомилась, будучи на пятом курсе Бирштонского технического. Славное заведение с древними традициями и засильем чистокровных эйтов, уверенных, что мир создан исключительно ради их удобства. А прочие, кому выпало родиться с даром, но в семье простой, это так... недоразумение.

У меня была государственная стипендия – виданное ли дело для девицы, если не из низов, то всяко к оным приближенной, – определенная репутация, подработка в университетской лаборатории и с трудом заработанное расположение эйта Лённрота.

У Маруна – место аспиранта, полученное, как теперь понимаю, не столько по заслугам, сколько по матушкиной просьбе, и бездна очарования. О нем говорили. Не буду врать, что только хорошее, но Мар обладал удивительнейшей способностью морочить головы людям.

...душа компании.

Сердце университета, которое трепетные женские ручки передавали друг другу с легкой печалью. Совесть... с совестью у Мара и тогда было сложно.

За полгода он сумел обрасти связями, завязать полезные знакомства, будь то в столовой, где ему готовили отдельно, или же в деканате, где престарелая нейта Урьяш всегда готова была перекроить уже существующее расписание, чтобы Марику было удобно. Его считали своим парнем студенты. И преподаватели. И даже ректор, стоящий словно бы над всеми, на Маровы выходы взирал снисходительно. Как-то сама собой возникла и золотая компания, где нашлось место и для Маровой сестрицы, пятерки ее подруг и парней с боевого.

...когда Мар обратил свой взор на скромную мою особу, я, признаться, решила, что это он с похмелья. Все же девиц он предпочитал видных, выразительных, что внешностью, что характером, который как-то умудрялся смирять. А я...

Полтора метра роста.

Веснушки, которые не исчезают даже зимой. Они усыпали кожу до того густо, что порой та казалась рыжей. И популярности мне этот факт не добавлял. Впрочем, мне было плевать на популярность, тогда я твердо знала, чего хочу от жизни и тратить время на пустые романчики не собиралась.

На пустые...

А Мар...

– Вам не говорили, что вы прелестны? – он подарил мне тонкую веточку ландыша в колбе.

– Нет.

Я растерялась.

И разозлилась.

И... и еще раз растерялась, потому как Мар поклонился и исчез, будто его и не было. На следующее утро я нашла еще один ландыш, к счастью, Мар додумался не совать его в рабочий раствор, воспользовавшись чистой колбой. Потом был букет на подоконнике, с той стороны стекла, а с учетом, что жила я на седьмом этаже, это казалось подвигом.

Он играл со мной.

Появлялся. И исчезал, оставляя треклятые цветы, и видит Эйра Светлоокая, я в какой-то момент включилась в игру... и стоит ли удивляться, что не прошло и полгода, как мы оказались в одной постели.

Подруги?

Их у меня никогда не было. Характер не тот, да и сложно дружить с человеком, чей мир ограничен стенами лаборатории. Я ничего не понимала в моде и отношениях, не собирала сплетни, не умела объединяться против, а те, с кем меня сводила судьба, не желали вникать в красоту формул.

Сопrotивление материалов?

Потоки сверхнизкой частоты? Сопряжение? И пространственная геометрия как способ... в общем, Марта, с которой мы делили комнату, лишь фыркала и закатывала глаза. Правда, Мара она оценила емко:

– Кобель. Но если для здоровья, то можно. Тебе давно уже пора жить начать.

Я же, дура, обиделась. И сказала.

– У нас все серьезно...

Марта же вздохнула, потеряла лоб, на котором появились едва заметные морщинки, и сказала:

– Даже так... тогда беги от него, если можешь.

– Почему?

– Да потому что ты ему не пара...

Она оказалась права, Марта Спирковец, перебравшая с дюжину поклонников, прежде чем остановиться на невзрачном рано полысевшем парне с целительского. За него, как слышала, она и вышла замуж, а после переехала куда-то на Перешту, где, надеюсь, и жила в тиши и согласии. Я же... я не послушала совета. Да и кто на моем месте послушал бы?

Я любила.

Меня любили. Будущее виделось прекрасным. И этому будущему не могли помешать ни Марова матушка, державшаяся со мной отстраненно и холодно, ни его сестрица, позволявшая себе откровенное хамство, ни подспудное чувство неправильности происходящего.

Эйты не женятся на таких, как я, без веского на то повода.

Любовь?

Не смешите. Нет, я думала, что она есть, она живет, в тех же хрупких ландышах, в крохотных шоколадках, которые он вытаскивал из моих, тогда еще длинных – Мару не по вкусу стрижки – волос. И я, словно ребенок, смеялась над простым этим фокусом.

Любовь была в открытках.

В плюшевом медвежонке, поднесенном мне на день рождения, в большом наборе инструментов, выполненном по заказу.

– Видишь, – я тогда уверилась, что все у нас сложится, и сидела над кофром, любовалась, не смея притронуться к арфитовым рукояткам. – Он не будет заставлять меня бросить учебу. Он хочет, чтобы я получила диплом. И место мне присмотрит.

– На собственном заводе? – Марта смотрела на меня с сочувствием. Целительница, она, верно, видела болезнь, вот только лекарства от нее не существовало.

– Да, но...

– Но?

Я коснулась таки отмычек. Ах, здесь есть совсем крохотные, для работы на квазикристаллах. А вот и кисть со сменными насадками. Десяток разнообразных штеков, не говоря уже о резцах, которые, полагаю, и драконью кость возьмут.

– Это не совсем мое... то есть, точно я не знаю... сама понимаешь, секретность.

Марта кивнула.

А я продолжила перебирать сокровища. Конечно, у меня имелся собственный ящик с инструментом, я его собирала лет с десяти, когда окончательно поняла, кем хочу стать. Но разве мог он сравниться с этим?

– Я не хочу ковыряться в моторах... или стать младшим чертежником... или оказаться в ситуации, когда все относятся ко мне, как...

– К любовнице босса?

– К жене, – призналась я и тронула колечко. – Вчера Мар сделал мне предложение.

...были цветы.

И ужин в самом дорогом ресторане города. Правда, чтобы я не смущалась, Мар взял кабинку, и за это я ему была благодарна. Все же мой гардероб на подобные выходы рассчитан не был, а покупать еще и платья... благо, Мар не предлагал, я бы все одно не позволила.

– Вообще я хотела бы остаться при университете, – призналась я, прикидывая, с чего завтра начать. Кристаллы почти выросли, пора было формировать узор, но я сомневалась, использовать ли традиционные молды или же попробовать изменять структуру опосредованно. Лённрот полагал эту мою идею чужью, но... кристаллов я вырастила с запасом, если взять один, никто не заметит. – Продолжить работу над темой...

– А твой Мар...

– Говорит, что ему все равно, лишь бы я была счастлива.

И я решилась.

От одного кристалла беды не будет, и вообще, как можно не опробовать такой инструмент? В университетской лаборатории и то похуже будет, хотя к чести Королевского Совета финансировали нас отлично. Но...

Я вытащила малую кисть.

Попробую.

...мы сочетались браком спустя три дня. Древний храм, сложенный из белого известняка. Жрец и малый чиновник с большой амбарной книгой, в которую наши имена вписывались медленно, будто даже этот, равнодушный с виду человек, продолжал сомневаться.

Мы не пара.

Все знали, что мы не пара.

Кроме меня...

* * *

...нет, следующие несколько лет я была беззаветно, бессовестно счастлива. Мар снял небольшую квартирку на территории кампуса. Так делали многие, к чему терять время на дорогу, да и что есть в городе такого, чего нет в университете?

Я получила место в аспирантуре.

Мар вынужден был отказаться от преподавания.

– Пойми, дорогая, не мое это... студенты, отчеты... занудство бумажное. Я за прикладную науку... и вообще дело семейное внимания требует. А ты занимайся своими потоками и ни о чем не думай.

Я и занималась.

Спорила с Лённротом, который сперва к замужеству моему отнесся скептически, кажется, вообразив, что я в самом ближайшем времени брошу науку ради семьи... не знаю, честно говоря, если бы Мар тогда попросил, может и бросила бы.

Любовь.

Опасное, мать его, чувство.

Но Мар не просил. Он уезжал и возвращался, привозил с собой ландыши и шоколад, устраивал вечера на крыше. Плед. Вино. И университетские голуби, толстые наглые птицы, которые, правда, казались мне забавными. Мы сидели и говорили... да обо всем на свете.

Он умел слушать, мой Мар.

И пусть сам признавал, что понимает едва ли треть, но... это звучало не обидно.

Моя маленькая умная девочка...

...опять что-то придумала.

...надо оценить идею и оформить патент. Не морщи носик, я сам этим займусь. В конце концов, мы же семья, ты только бумаги подготовь, отчет там и вообще.

И я готовила. И испытывала невероятную гордость, как же... первый патент принес нам тысячи крон – так, во всяком случае, мне сказали. Второй и третий не меньше. Четвертый Мар и сам вытащил из кипы моих записок, в которых он копался упоенно. Я бы, говоря по правде, не стала бы завязываться с такой-то мелочью. Оказалось, что вовсе и не мелочь, а принципиально новый тип соединения, который снизил энергопотери в ведущих узлах...

...ты и представить себе не можешь, девочка моя, что это значит в промышленных масштабах.

Мар кружил меня по крыше, и голуби ворковали, словно нашептывая, что жизнь удалась. А я... я задыхалась от переполнявшего меня счастья.

Пять лет.

Семь патентов и ворчание Лённрота, что наука, конечно, хорошо, но мне бы и семьей заняться. Ребенка там родить... теперь я понимаю, что он знал.

Да все, мать его, знали, кроме меня.

Благословенная слепота, от которой меня избавила Лайма. Она была маленькой и хрупкой, будто выточенной из куска горного хрусталя. Светлые до полупрозрачности волосы. Кожа настолько белая, что гляделось это едва ли не отвратительно. И огромные наивные глаза...

...вы меня не знаете...

Легкое платьице, едва прикрывавшее колени. Кружевной платочек и браслет с крупными сапфирами. Между камнями висели колокольчики, и браслет при каждом движении позвякивал. А Лайма не умела стоять, не двигаясь.

...нас не представляли друг другу, и в любом другом случае я бы не стала разрушать семью, но... понимаете...

Лайма была беременна.

Немножко.

Так она сказала и мило зарозовелась. А я, помню, стояла и пыталась понять, что этой странной девочке, нужно от меня. Она же, ободренная молчанием, говорила и говорила...

...Мар меня не любит.

Быть может, когда-то и любил, но давно. Я ведь понимаю, что любые чувства рано или поздно умирают, особенно, если над ними не работать.

Как?

Ежедневно и ежечасно.

Хорошая жена не бросит мужа ради науки. Хорошая жена следит за собой и уж точно не станет носить унылую серую форму и плевать, что в лаборатории без нее делать нечего. И вообще, к чему хорошей жене лаборатории? Она дома должна заниматься.

Каким?

Тем, который принадлежал Мару. Он, конечно, требовал реконструкции, чем, собственно, Лайма и занялась...

Дом?

Мое удивление защищало от боли. Какое-то время. А Лайма говорила, говорила и говорила... и главное, я понимала, что она не врет. Она... она была слишком уверена в собственном превосходстве, чтобы опуститься до лжи.

Я ведь...

Все знали, что Мар женат.

Кто все?

Его семья, которая этого брака не одобряла категорически. Его друзья, полагавшие, что Мар поспешил. Друзья его друзей. Знакомые. В свете только и разговоров, насколько Мару приходится тяжело... и да, их познакомила Сауле. Что в этом дурного?

Лайма не собиралась влюбляться.

Лайма просто...

Небольшой роман, который ни к чему не обязывает, но получилось так, что их роман затянулся. Насколько? Лайма наморщила носик. Три года уже... Мар? Нет, он ничего не обещал, да и она не требовала, понимала, что разводы в их кругах не приняты, даже если супруга попала настолько неудачной. О нет, Мар ничего такого не говорил, но и без слов понятно.

Он меня не любит.

Стыдится.

Поэтому и прячет за стенами университета. Он ведь и в город меня не вывозит, если подумать, не говоря уже о том, чтобы поселить в доме, как это положено. Он даже ко двору меня не представил, что было почти откровенным нарушением правил, но... Мару простили.

Вошли в положение.

Чувствовала ли я, как мир рушится? Мой такой уютный замкнутый мирок, в котором я была абсолютно счастлива? О да... то есть, земля из-под ног не уходила. День не стал менее солнечным. Напротив, для всех все было обыденно.

Университет.

Парк.

Студенты на скамейках. Кто-то брэнчал на гитаре, кто-то пел, кто-то, забравшись на край древней чаши, норовил дотянуться до ледяной струи фонтана и поймать каплю удачи. Бродили по дорожкам треклятые голуби. Щебетала Лайма, окончательно уверившись, что опасности я не представляю. Помилуйте, какая опасность от нейты, не способной сотворить заклинание выше пятого уровня. Позвякивали колокольчики на браслете. А я... я пыталась понять, когда же именно пустила свою жизнь псу под хвост. Выходило, что давно...

– Понимаете, я бы не стала нарушать правила, – Лайма коснулась платочком щеки, на которой блеснула россыпь искусственных звезд.

Вживленные кристаллы – писк современной моды... и ей они шли.

– Но... столько времени, а ты так и не забеременела, что совершенно недопустимо.

Гладкие ноготки.

Идеальная кожа.

Белесая вязь родового узора, который начинался на левом предплечье, поднимаясь выше, при этом не выглядел ни пошлым, ни странным, но таким вполне естественным продолжением кружевного сарафана.

– А я... у меня будет ребенок, – Лайма убрала платочек в крохотный клатч, украшенный теми же сапфирами. – И как мать я должна позаботиться о его будущем...

– Мар...

– Не знает, – она, вдруг разом утратив былую робость, подхватила меня под руку. – И не стоит ему говорить. Мужчины порой ужасающе упрямы. Он вбил себе в голову, что несет за тебя ответственность.

Почему я не послала ее подальше?

Почему позволила увлечь себя? Шла по дорожке, по желтому камню, слушала, как цокают тонкие каблучки и раздумывала, что ж я за дура-то такая...

– Но мы-то знаем, что ты человек взрослый... тебе, несомненно, казалось, что ты сделала удачную партию...

– Чего вы от меня хотите, – в какой-то момент мне просто надоело ее слушать.

Лайма Бринциг.

Единственная дочь и наследнице Лютера Бринцига, совладельца «Большой островной», которой принадлежало более сотни цеппелинов. Она и вправду достойная партия, куда более подходящая, чем я. А ребенок... я ведь заговаривала о нем, не потому, что и вправду хотела детей, то есть, хотела, конечно, но не сейчас, а когда-нибудь потом, после... и Мар, как показалось, понял.

Сказал, мол, куда нам... надо пожить для себя.

И я вздохнула с немалым облегчением.

– Хочу, чтобы ты перестала всем мешать, – сказала Лайма, окончательно сбрасывая маску несчастной девочки.

Взгляд у нее был холодным.

Да и... читалось в нем куда больше, чем было сказано. И вправду, как посмела я, воплощенное недоразумение, заявлять свои права на того, кто плоть и кровь от плоти и крови высшего света.

Эйты не женятся на...

...просто так.

– Подай на развод. Папа... поможет решить вопрос быстро. Прояви благоразумие, и мы не останемся в долгу. Папа оплатит переезд...

– Переезд?

Лайма повела плечиком.

– Мне не нужны в будущем ни слухи, ни двусмысленные ситуации. Ты, кажется, наукой занимаешься?

Я кивнула.

Кажется.

Занимаюсь.

– Папа подыщет место где-нибудь... в другом городе. Жилье... с ним сама разберешься. Двести тысяч компенсации хватит?

Двести тысяч... сумма для меня невероятная, невозможная даже. Я честно попыталась вообразить эти самые двести тысяч, сперва в банковских пачках, перетянутых розовыми лентами, потом россыпью, в кронах... хватит или нет? За убитую любовь и разрушенную жизнь?

– Не жадничай, – Лайма расценила мое молчание по-своему. – Вздумаешь глупости творить... у папы много друзей. Разных. Но мне бы не хотелось выходить замуж за вдовца. Это, как ни крути, бросает тень на репутацию...

Глава 2

Я хотела устроить скандал.

Банальный такой скандал, с битьем посуды, слезами, заламыванием рук и вообще... но когда Мар снизошел-таки до меня, я поняла, что сил скандалить нет. Совсем.

– Я подаю на развод, – сказала я, вглядываясь в его лицо, пытаюсь найти там... что? Тень эмоций? Только настоящих, а не тех, которые он научился изображать.

– Ты его не получишь, – Мар тоже что-то, наверное, понял, если не стал притворяться. Он прошелся по комнате, поднял очередной мой журнал, подкинул его и поймал на ладонь.

– Почему?

– Лайма – идиотка... удобная в использовании, но все-таки... я не собираюсь связывать жизнь с капризной стервочкой, которая не видит ничего дальше собственного носа.

– А ты, стало быть, видишь?

Мар поморщился.

Он не любил признавать ошибки.

– Послушай, – он остановился у окна, которое вдруг показалось таким узким. – Ситуация, конечно, неприятная... нам давно следовало бы поговорить. Прояснить... но... ты была так счастлива.

Была.

Его правда. Целых пять лет... и голос разума шептал, что у кого-то и этих пяти лет нет, а я... я ведь могу притвориться, что ничего-то не произошло. Любовница? С мужчинами бывает. Они, мужчины, блудливы, что коты, и в принципе природой к верности не расположены.

Я ведь могу его простить.

Смириться.

И играть в прошлую счастливую жизнь. Это несложно, всего-то надо, вовремя отворачиваться и закрывать глаза на маленькие шалости мужа. Многие так делают, но...

– Ты милая девочка, Эгле. Очаровательная. Умная. И все же наивная... но при этом действительно умная. Когда я только-только приглядывался, мне посоветовали познакомиться с твоими работами. Ты же знаешь, у меня заводы... семейное дело...

То самое, требующее постоянного Мара присутствия.

– Верфи построил еще мой дед. На то время они были ультрасовременными, но потом... мой отец не давал себе труда вникать в происходящее. Он полагал, что если верфи работают, этого уже достаточно... он в принципе был на редкость никчемным человеком. И не желал понимать, что за прошедшие пятьдесят лет мир изменился. А вот верфи... остались прежними. Я получил в наследство предприятия, которые едва-едва держатся на плаву. Да, нас отчасти спасали военные заказы, но и те мы получали исключительно благодаря маминым связям. А ей прозрачно намекнули, что без должной модернизации мы их просто-напросто не осилим. И да, модернизацию мы проводим... я провожу. Практически завершил. Ты бы знала, до чего это сложно. Особенно, когда на счетах пусто... занять? Это неприлично. Слухи пойдут и все такое... а матушкиных драгоценностей, конечно, хватит на закупку нового оборудования, но разве могу я поступить так с родной матерью?

– А я при чем?

– Я все-таки оформил заем... через знакомых... процент выше, чем в банке, но слухи не пойдут. Главное ведь репутация... и во благо ей мы будем вести прежний образ жизни. Вечера, визиты... благотворительность, которая сжирает остатки семейного состояния... – Мар потер переносицу. – Знала бы ты, как это все мне... так вот, оборудование закупить – это половина дела. Нужны люди, которые его как минимум не испоганят. Оказалось, что найти толковых рабочих даже низшего звена не так просто, не говоря уже о тех, кто стоит выше... Бринциги,

Таргциги, Габрсоны, все охотятся на молодых и одаренных. Стипендии с обязательной обработкой... трудовые контракты на двадцать лет, но на условиях, когда эти двадцать лет не покажутся столь уж долгим сроком. Они ищут тех, кто более-менее способен думать и покупают их, порой уже на первых курсах, а иногда и в школе...

– Меня что-то не спешили купить.

Не сказать, чтобы я не понимала Мару. Понимала. Мои одноклассники начали подписывать контракты курсе этак на третьем, а некоторые и того раньше.

Тогда я им завидовала.

Искренне, порой до слез, не понимая, чем я хуже того же Конрада, которому предложили место младшего инженера на Савойском часовом...

– Ты женщина, – Мар пожал плечами, будто это что-то да объясняло. – Извини, но... в нашей среде еще весьма живы определенные... стереотипы. К примеру, Сауле работать не будет. Подозреваю, она скорее с голоду умрет, сперва замучив несчастного супруга, но работать... да, ты талантлива, но какой толк в этом таланте, если ты выскочишь замуж и растворишься в хозяйстве?

– Я пока не растворилась, – одна обида тянула за собой другую.

Да, на меня смотрели... с насмешкой?

С недоумением?

С удивлением порой. Как же, выбрала мужской университет, мужской факультет и специальность самую что ни на есть мужскую... понятно, зачем. Чтобы мужа найти. И главное безумное это предположение – конечно, где еще их ищут-то, особенно рыжие с конопушками бесприданницы – как-то прочно укоренилось в умах, что моих сокурсников, что преподавателей. Последние и вовсе не скрывали порой презрения. И плевать, что я была способней многих...

– Сперва я хотел лишь присмотреться. Предложить контракт... на место старшего... что? Ситуация на верфях, мягко говоря, неоднозначная. Мои инженеры устарели также, как и оборудование, а главное, они и слышать не хотели о переменах. Мне казалось, что свежая кровь изменит ситуацию...

– Но потом ты передумал?

– Я просто понял, какое сокровище мне досталось...

Я отвернулась, потому как не обладаю выдержкой эйты. Он ведь так и называл меня, мое сокровище... это казалось милым.

– Боги судили, иначе не скажешь. Твои наброски, даже те небольшие наброски, которые я видел... они обещали невероятное. И прости, я не мог позволить, чтобы они попали в чужие руки. Это был шанс.

– И я...

Что? Приложение к тем злосчастным патентам, которые Мар так рвался оформить? Тем парадоксальней, что мне всегда хотелось, чтобы ценили мой ум, а не... оценили.

Нечего сказать.

– Контракт? Контакт можно разорвать. Признать несостоятельным. Опротестовать в суде при наличии хорошего юриста. А стоило кому-то понять, что ты из себя представляешь, и юристов появился бы десяток. Да в конце концов, его можно было бы перекупить...

– И ты решил связать меня браком?

– На тот момент это показалось мне самым удобным вариантом, – Мар взял меня за руку, и еще вчера это прикосновение вызвало бы во мне прилив нежности, но сейчас я молча спрятала руку за спиной. – Я понимаю, что ты обижена, но... подумай сама. Это выгодная для обоих сделка. Ты получила возможность работать... или думаешь, тебя приняли бы в аспирантуру, не будь ты моей женой?

Самое обидное, что Мар был прав.

Аспирантура... я о ней мечтала, робко, исподволь, прекрасно понимая, что все места расписаны и проплачены, и даже заступничество Лённрота не поможет. Да и не факт, что он станет заступаться... личной ученицей взять ведь не захотел.

Мол, слухи пойдут...

На самом деле плевать он хотел на слухи.

– Тебе предложили бы место на каком-нибудь захолустном заводе, где и держали бы младшим инженером до окончания жизни. Я помог твоему таланту раскрыться.

– И получил немалую выгоду, как подозреваю?

Мар склонил голову, признавая мою правоту.

– Ты дашь мне развод?

Молчание.

– Мар!

– Лайма – дура...

– Тебе это не мешало.

– Но дура симпатичная, – он закинул ногу за ногу. – Да и в постели огонь...

– Зачем мне...

– После смерти отца, я послал Бринцигу предложение. Мне показалось, что это будет удачная сделка. Он пристроит свою драгоценную доченьку, у которой не самая лучшая репутация, а я получу поддержку и финансы для реорганизации производства.

Почему я не ушла?

Продолжила слушать эти откровения, от которых становилось не по себе? Почему вообще...

– Он потребовал провести слияние. И контрольный пакет, естественно, переходил в его руки. Как понимаешь, на эти условия я не мог согласиться.

Надо было заткнуть уши.

Убежать.

Вот только бежать мне было некуда. Мар не отпустил бы меня просто так, и кажется, уже тогда я начала понимать, насколько тяжелым будет развод.

– Благодаря патентам мне удалось не просто выправить дела. Мы стали крупнейшим игроком на рынке... наши цеппелины надежнее и быстрее любых других. Военные заказы... и гражданский флот тоже заинтересован. Слышала, наверное, Его Величество собирается создать воздушную сеть...

...кто не слышал.

Об этом проекте, который газетчики прозвали самым амбициозным со времен Первой войны, кричали на каждом углу. Одни называли его безумием, призывая остановить – деньги можно потратить с куда большей пользой для страны. Другие ратовали за скорейшее воплощение.

Как же, объединить все крупные города... цеппелины надежнее кораблей. Им не страшны шторма, из-за которых половина островов то и дело оказываются предоставлены сами себе.

Высокая грузоподъемность.

Скорость.

И главное, защита.

– Мы получили заказ на две сотни цеппелинов средней дальности, дюжину тяжеловозов и полсотни почтовиков... – Мар смотрел на меня спокойно. – И это лишь начало. Королевству нужны воздушные пути. А еще алмазы Пельшты или черный уголь Искайта. Красный мрамор. Вулканическое стекло. Альфидиум. Да и... люди. Третью королевства зависят от моря, а это без малого восемь миллионов... восемь миллионов человек, чью жизнь мы изменим.

– Я рада за вас...

– За нас.

– Мы? – это прозвучало почти издевкой. – Разве мы когда-нибудь вообще существовали? Я, оказывается, успела изучить его. Вот слегка дернулась губа, будто Мар вот-вот оскалится. Дернулся нос. Пальцы сложились крестом... детский нелепый жест, если сложить так пальцы, то можно врать и боги не накажут.

– Признаю, я был недостаточно внимателен к тебе. Слишком занят... дела требовали пристального внимания...

– И Лайма.

Мар поморщился.

– Она дура.

– Пускай, зато беременная...

– Мне нужен наследник.

– Но не от меня, – я осознала это со всей ясностью. И Мар тоже понял.

– Прости, но... эйт не может быть слабосилком, иначе ему не удержаться.

Дышать было тяжело.

И я заставила себя считать. Раз-два-три-четыре-пять... вышла Грета погулять... дети наследуют дар... но не всегда, далеко не всегда это дар сильнейшего в паре... бывает... поразному, и Мар не хотел рисковать.

– Тебе ведь не нужны были дети, – он робко тронул меня за руку. – Ты сама говорила...

– Сейчас не нужны, но...

– Как захочешь, родишь. Я не оставлю своего ребенка, каким бы он ни был...

Именно тогда я и поняла, насколько мы... разные?

– Я подаю на развод, – сказала я тихо. А Мар улыбнулся, этак, снисходительно...

– Ты ведь не думаешь, что все будет просто...

* * *

...конечно, не думаю.

Первое заседание. И сонный судья, который не столько слушает меня, сколько наблюдает за мухами. По летнему времени их развелось прилично. Мухи ползают по графину с лимонной водой, по дубовой раме и портрету Его Величества. Они садятся на пыльные окна и даже на судейскую лысину, и тогда судья вздрагивает, поднимает вялую пухлую руку, сгоняя нахалку.

Мне кажется, что все очевидно.

Муж мне изменил, и я в своем праве подать на развод, тем паче, Мар не отрицает факта измены. Он спокоен и, кажется, его даже забавляет моя злость.

– Она просто перенервничала, господин судья, – он привстает и устаивается одобрительного кивка. – Женщины чересчур эмоциональны, а потому порой теряют способность мыслить здраво. Поэтому моя жена забыла, что брак наш заключен по старому обряду...

...а значит, расторгнут может быть лишь по взаимному согласию.

Или волей Его Величества.

Впрочем, это не помешало мне вновь подать в суд. И получить очередной отказ. Отправить прошение в канцелярию...

...и вызвать гнев Мара, который выразился в запрете на мою работу.

– Хватит маяться дурью, – сказал он. – Этот университет себя исчерпал. Если хочешь работать, у меня найдется...

– Иди на хрен! – я позволила себе выразиться и куда менее изящно.

– Как грубо...

Плевать.

Я... почему-то чем дальше, тем злее я становилась. Обида? О да, она была, жила и не собиралась исчезать, затмевая слабый голос разума.

– Дорогая, – он поцеловал мне руку, а я демонстративно вытерла ее о юбки. – Если ты еще не поняла, то у нас... женщина всецело зависит от мужа.

Одного письма хватило, чтобы меня уволили. И Лённрот, смущаясь и розовея, сказал, что мне следует проявить благоразумие и помириться с мужем.

Я осталась без квартиры.

И без денег, поскольку мой счет вдруг оказался заблокирован по требованию мужа. Мои вещи вывезли. А Мар оставил записку, что всегда будет рад видеть меня в нашем новом доме...

...я одолжила пять крон и купила билет до Эсбьерга.

Глава 3

– Дура ты, Эгги, – сказал мне брат, сунув в руку свежий маковый калач. – Но ничего, как-нибудь перетрется, мука будет...

...он держал маленькую булочную, которая досталась от матери, а той – от деда, и вообще соседи полагали, будто наша булочная возникла едва ли не ранее Эсбьерга.

Здесь было... спокойно.

Море.

Город, знакомый каждой улочкой своей. Чайки и берег. Круглые камушки, которые я отправляла гулять по воде. И Мар, появившийся на склоне зимы.

– Хватит уже, Эгле, – сказал он, обводя рассеянным взглядом море. И то, сизе-серое, отпрянуло, будто тоже не желало иметь с Маром ничего общего. Даже чайки заткнулись. – Все уже поняли, как ты обиделась. Возвращайся.

– Нет.

На берегу, следовало признать, Мар смотрелся глупо. Светлый его костюм выделялся на общем тускло-сером фоне, а модные ботинки успели пропитаться водой и обзавестись плотной темно-серой коркой высохшего песка.

Кто ж в ботинках на берег ходит.

– Эгле, – голос его звучал мягко, и всем видом своим Мар демонстрировал печаль. Легкую. Светлую. Иную эйты испытывать не умеют. – Это уже не забавно.

– А это было забавно?

Интересно, у него родился ребенок?

Нет, я могла бы взять «Родовое древо», благо, продавался журнал свободно, извещая весь мир о важных событиях в мире высшего света. Свадьбы там, помолвки... или вот рождение наследника древнего рода...

– Нет, – вынужден был признать Мар. – Но я понимаю, что ты была обижена. Я извинился.

Он извинился и теперь... что?

Я должна проникнуться? Войти в положение? Или броситься на грудь со слезами? Простить, вернуться и сделать вид, что все хорошо? Просто-таки замечательно...

– Мне нужен развод.

– Зачем?

– Затем, что я хочу получить свободу. От тебя... от...

– Если тебя напугала Лайма, то я имел беседу с ее отцом. Больше она не станет вмешиваться в наши отношения.

Надо же, у нас, оказывается, отношения были, а не просто так сделка. И что значит, не станет вмешиваться? Будет тихо и мирно жить в особняке Мара в роли... кого? Второй жены? Слышала, у эйтов бывает. А я, стало быть, буду первой. И если проявлю толику смекалки, то мне тоже купят особняк. В конце концов, это же такая мелочь за спокойствие семьи.

Расписание составим.

У меня Мар будет по четным дням. У Лаймы по нечетным... или еще нужно оставить время для других любовниц, которые, как полагаю, появятся, если уже не существуют.

Почему-то именно там, на берегу, я вдруг осознала, насколько бессмысленен этот брак. Поддаться на уговоры? Вернуться? Пусть даже не в квартиру, но в собственный дом... номинально собственный, поскольку хозяином в нем будет Мар.

Он согласится.

Я нужна ему, иначе Мар не стал бы тратить драгоценное время на поиски, он терпеть не мог поездки и маленькие городки, которые называл потерянными во времени.

Издали донесся печальный звон корабельного колокола. Стало быть, паром подходит, и на пристани уже собралась толпа, кто посмотреть, кто почту ждал, кто груз. Там всегда-то было много народу, но в дни прихода «Конунга» собирался едва ли не весь город. Мальчишки забирались на столбы, карабкались по развешенным сетям, которые к полудню успевали просохнуть и покрыться коркой соли. Ругались матроны. Лениво курили грузчики, понимая, что уж без них-то ничего не будет...

– Я хочу развод, – мне бы тоже прогуляться до пристани, показаться соседям, которые вместе решили, что благородный супруг выставил меня за дверь, верно, потому, что я оказалась бесплодна, а такого ни один мужик не потерпит.

И все почему?

А потому как учиться поехала. Вот в мозгах что-то и сдвинулась.

Я сама слышала, как престарелая Ильга говорила о том невестке, а та слушала, кивала, не смея перечить, потому как перечить Ильге – себе дороже...

...может, Мара захватить? Будет новый повод для разговоров. А не будет, так сами себе придумают. Издержки местной неторопливой жизни с вечной нехваткой новостей.

– Эгле...

– В этом нет смысла, Мар, – я позволила себе повернуться и взглянуть на пока еще нынешнего супруга. И куда подевался обычный восторг?

И сердце больше не колотится.

И вообще... он, конечно, красив. По-другому быть не может, не бывает некрасивых эйтов, но... какая-то пустая красота. Светлые волосы. Идеальные черты лица, которые не портит крохотный шрам над левой бровью. И морщины, что только-только появились, ему тоже идут. Примерно как идет тонкий галстук и этот вот костюм из светлой шерсти. Темно-синий редингот переброшен через руку. Пальцы поглаживают трость из черного дерева. Он воплощенное великолепие.

Чужое.

– Никакого. Ты меня не любишь. Я это знаю. Теперь знаю. И я не хочу жить с человеком, который меня не любит. Я хочу нормальную семью, чтобы муж и жена, чтобы дети...

...чтобы как у моего брата, который светится от счастья, сам того не замечая. И плевать ему, что Кара полновата, а волос у нее темный, – явно имперка, и вьется еще, и что говорит она с легким акцентом. Напротив, мне ее голос кажется песней, а уж ему...

– Муж у тебя есть, – Мар пожал плечами. – Дети... если тебе они так нужны...

Не понял.

И не поймет.

Я покачала головой, а чайки заголосили, вдруг и сразу, стало быть, где-то показался темный плавник косатки.

Тоже хищник, почти как Мар.

– Мне нужен муж, который будет меня любить. И детей моих тоже любить. Который не станет искать кого-то другого, более одаренного или более красивого. Я не хочу, закрывая за тобой дверь, думать, куда ты пошел. Вправду ли по делам или к очередной любовнице... сколько их у тебя? Одна, две? Кроме Лаймы... она ведь, если не ошибаюсь, будет жить в твоём доме?

– В нашем.

– В нашем она мне на хрен не сдалась.

– Это грубо.

– Это правда, – я повернулась к морю и прищурилась, пытаюсь разглядеть косатку. Но нет, только волны, мелкие, нервные, будто стихия чувствует мою неуверенность. – Мар... мы не уживемся. Я не уживусь. И я не хочу остаток своей жизни быть несчастной. Хочешь, чтобы

я работала? Это не проблема. Подпишем контракт. И я буду работать. Но я хочу сама распоряжаться собственной жизнью. Понимаешь?

Понимал.

По глазам я видела, что все он прекрасно понял, вот только... куда девать родовую честь? И ладно бы только в ней дело было, но ведь оставались деньги.

Контракты правительственные.

И перспективы, которые Мар уже почти считал свершившимися. А я... я ведь не настолько глупа, чтобы не понимать, насколько развод, пусть даже с совершенно неподходящей Мару женщиной, повлияет на репутацию, не говоря уже о злосчастных патентах. Я ведь могу потребовать их... подать в суд и, что самое поганое, доказать авторство.

...а еще могла плюнуть на патенты и просто уйти к конкурентам. И не так важно Мару, буду ли я работать на него, главное, чтобы я не работала на кого-то еще.

Это я тоже увидела в его глазах, а еще поняла, что в нынешней жизни развода мне не дадут.

Мар стиснул трость, и костяшки на пальцах его побелели.

– Мне жаль, Эгле, – сказал он. – Но ты ведь умная... ты сама понимаешь, я не дам развода. И не позволю тебе остаться здесь. Мне не нужны слухи... ты вернешься.

– Нет.

– Не заставляй меня вредить твоим родным.

А вот угрожать нехорошо.

– У твоего брата булочная... как думаешь, долго ли мне закрыть эту булочную?

– Попробуй, – я выдержала его взгляд и даже нашла в себе сил улыбнуться. – Ты многого не знаешь о маленьких городках...

...и о том, что все мы здесь в какой-то мере друг другу родня. И если нас с братом не признали официально, то... каждому было известно, от кого Марийона Красноволосая прижила детей. Не от старого же Бреghа, за которого ее выдали родители, когда интересное положение стало... слишком заметно.

Правда, свадьба никого не обманула.

...мне об этом рассказали соседи.

По секрету, само собой, потому как в глаза обзывать соседских детей ублюдками невежливо. Да и чревато, говоря по правде. Нет, наш отец в местечковые дела не лез, я и сама-то встречалась с ним всего пару раз, последний – на похоронах матери. Особой привязанности друг к другу мы не испытывали, но...

...счет в банке на мое имя.

И другой, в помощь брату, когда тот перестраивал дом.

Рекомендательное письмо, благодаря которому меня в принципе приняли на первый курс. Вежливые записки-поздравления, приходившие ежегодно. Подозреваю, отправлял их секретарь, но... записки были. И к ним – чеки, благодаря которым я в принципе смогла начать работать.

Свой инструмент.

Материалы.

Книги и зелья, даже компоненты для зелий даром никто не даст, не говоря уже о прочем.

Нет, любви не было, но была благодарность и понимание, что обидеть нас не позволят. Не здесь, не в этом городе, который был по сути личным владением высокого князя...

...Мар потратил два месяца жизни, чтобы в этом убедиться.

Я знала, что остановился он в «Белой косатке», лучшей гостинице города, которой, однако, было далеко до привычных ему заведений. Он нанимал коляску.

И отправлялся к градоправителю.

Он писал жалобы.

И дважды покидал остров, чтобы вернуться спустя неделю-две. Он почти выкупил телеграф к вящему недовольству жителей, но в целом они сходились, что я дура. Все мужчины гуляют от жен, и мой отец тому лучший пример. Разумная женщина не станет играть в обиду, но великодушно простит несчастного, который...

Здесь мнения расходились.

Я же...

Мне было плевать. Меня Мар больше не трогал, но я сама чувствовала себя лишней. Некогда я покинула дом, полагая, что никогда больше не вернусь. И за прошедшие годы дом этот словно бы стал меньше. Нет, меня никто не гнал.

Ни словом, ни взглядом.

Мне были рады.

Мне сочувствовали и даже жалели. Мне позволяли заглядывать на кухню, хотя братец знал, что я не унаследовала ни капли семейного таланта. Со мною говорили, но исключительно на отвлеченные темы, а было их немного, и потому разговоры то и дело обрывались. Неловкие паузы заполнялись вздохами, а... во взгляде брата появлялась жалость.

С детства ненавижу, когда меня жалеют.

И наверное, именно эта жалость, которая заставляла ощущать себя слабой и никчемной, заставила меня очнуться. А еще шепоток, становившийся громче и громче... голос Ильги, долетавший через улицу – а говорила она так, чтобы я точно услышала – и соседское недоумение... удивление...

...загордилась.

...носом кРутит.

...решила, что и сама эйта...

...старик того и гляди помрет, посмотрим, что тогда будет... небось, братец не слишком родственничкам рад, а уж когда от них одни проблемы...

Следовало признать, что в чем-то они были правы. Мой отец, разменявший девятый десяток, – пусть эйты и жили дольше обычных людей, но и они не были всесильны, – и вправду готов был покинуть этот мир. А старший наш брат, законный наследник, с которым мы и знакомы-то не были, станет ли он решать чужие проблемы?

Сомневаюсь.

Выход был очевиден: мне следует уехать, но... куда? И не сочтет ли Мар отъезд проявлением моей слабости? Деньги у меня имелись, благо, здешние банки подчинялись князю, а тот плевать хотел на чьи-то претензии... и я, прикупив в ближайшем магазинчике атлас, занялась пристальным его изучением.

Помог, как ни странно, брат.

Старший.

Тот самый, который, как и мы с Менно, старательно делал вид, что знать не знает о нашем существовании.

Глава 4

Получилось...

Странно.

Конверт из серой бумаги. Записка. Экипаж, который ждал меня на площади. И поездка к побережью. Я слушала, как цокают копыта по мостовой, стараясь не думать, чем эта поездка для меня обернется. Я уже перестала верить в хорошее, тем паче, что прежде Корн не изъявлял желания пообщаться.

Песчаная коса. И лошадь фыркает, а экипаж останавливается. Мне подают руку, старательно отводя взгляд, в котором видится жадное любопытство. А я ступаю на влажный теплый песок. Здесь пахнет морем и водорослями, которые прилив оставляет на веренице темных камней. Сейчас эти камни прятались под водой, и море выглядело притворно-беззаботным.

Я знала, что местные берега опасны.

Что таких вот камней в них скрываются сотни. Одни безобидные, другие... ждали. Некогда они собирали изрядную дань кораблей и человеческих душ, а темный замок, обожженный солнцем, хранил немало тайн.

В замке я не бывала никогда.

И не собираюсь заглядывать, тревожить покой тех, кто и без того многое сделал для моей семьи. Я умею быть благодарной и... надеюсь, что это поймут.

– Здесь спокойно, – Корн прибыл верхом. Он отпустил жеребца, и тот, некрасивый, коренастый и лохматый, совершенно неподходящий для благородного эйта, спокойно подошел к воде. Тронул ее копытом, фыркнул... – Люблю это место.

Море уходило вдаль и словно бы вниз, хотя я знала, что подобное невозможно.

Оптическая иллюзия, да...

И солнце, которое замерло огненной точкой, будто кто-то оставил на синем холсте желтую каплю. Ни облачка, ни тучи. Значит, стоит ждать шторма. Они всегда приходит на смену тихим дням.

– Красиво, – согласилась я, склонив голову.

Мой старший брат... а он давно уже разменял пятый десяток, выглядел именно так, как подобает эйту. И рыжие волосы, которые Корн собирал в длинный хвост, нисколько не портили образа.

Черты лица резковаты.

И ничего-то похожего... разве что взгляд знакомый весьма. Менно тоже вот так смотрит на новых покупателей, не способный решить, можно ли верить им на слово, или надежнее будет просить деньги вперед... и вот этот нос острый, словно клюв. У меня такой же. А веснушки... разве у эйтов бывают веснушки?

– Мне жаль, что мы не познакомились раньше, – Корн снял перчатку и протянул руку. Мою он осторожно пожал, будто опасаясь причинить боль. – Так уж получилось... когда-то я был моложе, злее...

– И вам не нравилось...

Море с шелестом пробиралось по песку, вязло и отступало, оставляя влажные бурые пятна.

Корн склонил голову.

– Мне случилось быть знакомым с вашей матушкой. Вы на нее не похожи. Зато весьма похожи на мою бабушку... то есть, нашу бабушку. Когда-нибудь я покажу вам родовой портрет.

– Зачем?

Я больше не испытывала страха, равно как и смущения. Не убьет же он меня, в конце-то концов... разве что с острова выставит, чтобы не доставляла проблем.

– Потому что ты имеешь право, – он наклонился и поднял кривоватую ракушку. – К сожалению, понимание некоторых вещей приходит тогда, когда изменить что-либо не представляется возможным. В свое время я выступил категорически против брака отца с... булочницей.

Ракушка легла мне в ладонь.

Странный подарок. Или не подарок вовсе?

– Мне казалось, что это деяние бросает тень не только на отца, но и на весь наш род... как же... репутация, которая складывалась веками, вдруг рухнет.

Я кивнула.

Репутация – дело такое. Хрупкое. С нею надо осторожно.

– Правда, теперь я понимаю, что репутация, которую способна обрушить подобная мелочь, ничего не стоит.

Ракушка была мокрой и облепленной песком.

– Наш род... – мне предложили руку, и я ее приняла. – Когда-то здесь жили лишь птицы... и те люди, которым нужен был маленький каменистый остров, до которого сложно добраться. Эти люди промышляли на торговых путях, а еще не брезговали дарами моря... позже возникла крепость. Не всем были не по нраву некоторые наши привычки. Время от времени Эсбьерг пытались захватить, но...

– Не вышло?

Корн кивнул.

– Я рассказываю тебе, чтобы ты понимала. Эйты любят рассказывать истории о величии предков, о силе рода, но правда в том, что эти рассказы имеют мало общего с реальностью. Линас Краснобородый, с которого начались Ильдисы, некогда был славен буйным нравом. Он грабил корабли, водил хирд и возвращался с добычей, как и многие иные... ему повезло родиться с крупицей силы и не потерять ее, но приумножить. Как повезло и нашему предку. Это уже после, когда люди осознали, какой дар получили от богов, силу стали беречь, что в общем-то логично.

– Силы у меня почти нет.

– Зато есть способности и немалые. Твои патенты принесли Ильдисам миллионы... и принесут еще больше. Поэтому он не желает тебя отпускать.

– Это я уже поняла.

Я поежилась. С моря потянуло ветром, холодным, пронизывающим до костей. Погода на побережье менялась мгновенно, и не пройдет получаса, как небо затянет тучами или же наоборот, вернется солнце, опустится ниже, утопит скалы в волнах полуденного зноя.

– К сожалению, в данной ситуации я мало что могу изменить, – Корн нахмурился и, сняв куртку, набросил ее на плечи.

– А...

– Я Леонас. Мне стыдно мерзнуть на берегу.

Пусть так. А я вот от куртки отказываться не стану. Теплая и мягкая, хотя и выглядит поношенной, дешевой, но... уютно. И впервые за долгое время, пожалуй, я почти готова поверить, что все не так плохо, как оно кажется.

– Отпустить тебя, он не отпустит. Добром. Иным способом... тоже будет сложно чего-то добиться. Я не спрашиваю, о чем ты думала, подписывая это брачное соглашение вовсе без условий.

Я закуталась в куртку.

– Но нам следует решить, что делать дальше. На меня давят, требуя вернуть тебя законному мужу.

Значит, все-таки уезжать...

– Пока ты не придумала какую-нибудь глупость, скажу, что с островов тебя не выпустят без согласия мужа.

Твою ж...

– С другой стороны, если ты твердо решишь, то всегда найдутся... альтернативные пути. Что? Наш род... сохранил некоторые полезные, скажем так, знакомства... и привычки.

То есть...

Нет, вслух о таком говорить не принято.

– Местные воды на редкость неудобно патрулировать... нет, ничем действительно незаконным мы давно уже не занимаемся, но... алесский шелк или хорошее вино... или некоторые камни... лунное серебро опять же...

Это было чересчур... откровенно для случайного знакомства.

– Вывезти одну маленькую девочку несложно. Однако этот вариант я оставил бы как самый последний, – он остановился и позволил волне коснуться ботинок. – Там, конечно, не будет твоего мужа, но хватит других мужчин. Молодая одаренная женщина – всегда искушение. А когда за этой женщиной нет никого, кто мог бы ее защитить, искушение становится практически непреодолимым. С учетом же имперских обычаев, боюсь... тебе придется куда сложнее, чем здесь.

Море добралось и до моих ног, заставляя отступить. Все же обувь моя, пусть и добротная, не способна была выдержать соприкосновения с холодной водой.

Думала ли я о том, что говорил Корн?

Думала.

И понимала, что он прав. Здесь меня защищает закон, а там... там я буду всего-навсего беглянкой, без роду и племени, без знакомств и связей... даже без силы, которая способна была бы защитить. В Империи, где женщина имела лишь одно право – радовать мужчину... нет, побег – не выход. Во всяком случае, на континент.

– И что мне делать?

– Нам, – поправил Корн. – Вариантов несколько. Первый – самый очевидный. Ты возвращаешься к мужу...

– Нет.

– Ты можешь многое выторговать. Сейчас он нуждается в тебе больше, чем ты в нем...

– Нет.

Корн кивнул, как показалось, с одобрением.

– Второй. Я и отец признаем тебя. И твоего брата.

Я сглотнула.

– Само собой, избавить вас от клейма незаконнорожденности не в моих силах, однако в остальном это даст мне право вступить за тебя. Сейчас я имею слово лишь как владелец земель. У старшего брата прав куда больше...

– Развод...

– Сомневаюсь, – покачал головой Корн. – Здесь закон на его стороне.

– А то, что он...

– Не имеет значения. Именно поэтому сейчас к стандартному брачному договору делают весьма развернутые приложения, в которых и оговаривается... многое оговаривается.

Я вздохнула. В то время моя голова была забита чем угодно, только не договорами... я ведь выходила замуж по любви.

Большой такой.

А какая любовь по договору?

– Однако мы можем добиться раздельного проживания.

Море вылизывало ботинки Корна. Оно то отступало, то подбиралось, бросало волны, словно примериваясь, как ловчей затянуть упрямого человека в гостеприимные свои глубины.

– Останется ряд имущественных вопросов, но у меня есть законники, которые ими займутся...

– И ты...

– Мне было пятнадцать, когда матушки не стало. Я помню, что с отцом они не слишком ладили. Обычный брак по договору. Ей хотелось ко двору, а отец не мог надолго оставить Эсбьерг. Впрочем, в последние годы они пришли к согласию. Матушка жила на Орхусе, занимаясь собой. Отец... выплачивал содержание и занимался мной. Когда произошел тот несчастный случай, для нас ровным счетом ничего не изменилось. Понимаешь, отец был для меня... всем. И поэтому мне была ненавистна сама мысль о том, чтобы поделиться им, его любовью, с кем-то еще. Это было эгоистично, но... это было.

Море коснулось одежды.

И кажется, шторм все-таки будет, но позже, потому как холод отступил, сменяясь тяжелой летней жарой.

– Я был против того, чтобы ваша мать жила в замке. Я бы вовсе отослал ее прочь. Признаюсь, я даже задумывался о... несколько нехороших вещах, но мой отец хорошо меня знал. Мы спорили... ругались... и все закончилось сделкой. Мы оба делали вид, что ее не существует... а потом и вас. Я не желал ничего слышать о другой семье, а отец мне потакал, опасаясь потерять меня. Когда же вашей матери не стало, он очень быстро сдал и... тогда я начал понимать, как много она для него значила. Да и... жизнь любит шутить. В любом случае, за мной долг, Эгле. И я хочу расплатиться с ним, поскольку в противном случае этот долг перейдет на моих детей...

Море отпрянуло, закружилось, завертелось, поднялось тонким полупрозрачным столпом. Казалось, тот уходил в самое небо, того и гляди до солнца доберется. Но нет, столп задрожал и рассыпался льдистыми брызгами.

Соленые.

Почти как слезы.

* * *

...очередное заседание состоялось той же осенью. И я сидела, разглядывая бесстрастное, кажущееся равнодушным лицо своего старшего брата, которого все еще не привыкла считать родным. Отец был слишком слаб, чтобы позволить ему покинуть остров. А вот Корн...

Его законники знали свое дело.

И дело затянулось.

На месяц.

И полгода... год... я выписала доверенность, и теперь являлась лишь тогда, когда требовалось мое присутствие, причем, и тогда я молчала, позволяя за себя говорить мастеру Кьярди. А он отличался удивительным красноречием.

Впрочем, как и законник моего супруга.

И они говорили, говорили...

...подремывали судьи.

И даже газеты устали от затянувшегося этого скандала.

...в разводе мне вновь отказано. Равно как и моему дорогому надоевшему супругу в возвращении законной жены, ныне пребывающей под опекой любящих родичей.

...мне определено содержание, правда, в размере тридцати крон, что даже меньше обычной студенческой стипендии, но...

...Мар потребовал мои записи.

Дневники вдруг сгорели. В домашней лаборатории произошел несчастный случай.

...Мар запретил мне работу в лаборатории, заботясь исключительно о моей безопасности.

В газетах появилась статья о некоторых странных привычках древних семей, явно идущих в разрез с законом...

...Мар предложил мировое соглашение.

И работу.

И... я подумывала согласиться. Я всерьез подумывала согласиться. Я ночь просидела над этим проклятым соглашением, вчитываясь в каждую букву, давясь слезами и понимая, что другого варианта нет и не будет. Он... он купил меня за те самые ландыши и надежду на счастье.

Он... не отпустит меня.

Ни сейчас. Ни через десять лет. Ни через двадцать...

...он дал мне шанс, а если откажусь, то суды продолжатся, а пока они идут, мне остается сидеть на острове и... что?

Мешаться под ногами одного брата?

Испытывать терпение другого?

Задвинуть ящик с треклятым инструментом под кровать, взамен приобрести коклюшки и пару мотков шелковых нитей? И отправлять вывязанные салфетки Мару? Это... по меньшей мере глупо. Правда в том, что работать нормально мне не позволят. Но и согласиться, признавая поражение, я не могу.

Вот не могу и все тут.

Пусть и упрямство это глупо... Мар теперь душу положит, чтобы мне было хорошо на этих вот заводах... лаборатория будет... условия... все, чего пожелаю, в разумных пределах, само собой. Так какого я сию и...

...я могу выдвинуть встречные условия.

Мы поторгуюемся, а потом...

Невеселый выбор.

– Подписала? – поинтересовался утром Корн, который взял на себя труд сопровождать меня. И не скажу, что между нами вдруг возникла глубокая привязанность. Скорее... он полагал себя ответственным за мои неудачи, а я... мне нужен был кто-то, за кого можно спрятаться.

– Нет, – выглядела я, надо сказать, препогано. И зеркала в гостинице «Зеленый Эйерин» были беспощадны. Тощая. Нескладная. В платье дорогом, но при этом сидящем криво, будто взятом в долг у более состоятельной подруги. Волосы и те поблекли, а веснушек, напротив, стало больше, отчего лицо мое казалось рыжим.

– Молодец.

Корн подал руку.

– Почему?

– Потому что, если он предлагает мир, то тоже устал от войны.

Логично. Но устала и я... я не хочу больше воевать. Не хочу рассказывать судье в сто двадцатый раз историю нелепой моей жизни, не хочу отвечать на вопросы законников, в каждом выискивая подвох...

...выполняла ли я супружеские обязанности должным образом?

И не могло ли получиться так, что недостаточное мое старание вынудило супруга искать...

...была ли я внимательна.

...проявляла ли я интерес к делам новой моей семьи и хозяйству?

...и не сама ли во всем виновата?

Виновата.

В наивности и в глупости, а еще в надежде, что с людьми можно договориться.

– Все будет хорошо, – Корн потянул меня за прядку волос. – Просто... помни, что если долго сидеть на берегу моря, оно сделает тебе подарок.

– Я... не уверена.

Мне хотелось плакать.

За прошедший год я сильно похудела, обзавелась бессонницей, с которой не справлялись и темные травяные капли, и дурной привычкой плакать по любому мало-мальски значимому поводу.

Я шмыгнула носом.

И стиснула в руке платок. Не буду... вот не буду и все...

– Он не даст мне работать, – я не отстранилась, когда Корн меня обнял. От брата пахло дорогой туалетной водой, но еще и морем. Запах этот, бывший частью его, успокаивал. – А я не хочу... остаток жизни... с коклюшками... я не хочу...

– Не хочешь? Не надо.

Корн осторожно провел рукой по волосам.

– Всегда найдется... альтернативный вариант. Если нельзя работать законно, то стоит найти тех, кому работа важнее закона. В конце концов, ты нашего рода, а Леонасы всегда держались своих интересов.

Глава 5

... некогда прекрасная Эйра, охотясь на морских кобылиц, так увлеклась погоней, что не заметила, как с шеи ее белоснежной соскользнуло драгоценное ожерелье из зеленых камней. Рухнуло оно с небесной высоты в море и разбилось, рассыпалось полусотней островов, которые позже и стали землей Эйерин.

Поговаривают, что и сам король не знает всех земель.

Ложь, конечно, впрочем, островов и вправду было много, а стало быть, хватало места и эйтам, и людям обыкновенным, и вольным сала, которые упрямо держались за древние права и привилегии, предпочитая, как сотни лет тому, кормиться морем, но не идти под руку закона.

Ольс был невелик, за день на лодке обогнуть можно. Он прятался в скалах, что поднимались и с севера, и с юга, и с запада, что характерно, тоже. На востоке же имелся узкий проход, по которому могла пройти плоскодонка, да и та в удачные дни, а они зимой приключались не так уж часто.

Раз в пару месяцев к Ольсу подходил цеппелин, и тогда местные сбегались посмотреть, как он, тяжелый, грузный, ворочается, норовя пристать к замковой башне, единственном строении, которое худо-бедно можно было использовать для стыковки. С цеппелина спускали ящики с заказанным товаром, а наверх поднимали другие... тоже с товаром.

Корзины с живыми ракушками.

Белоснежные рыбины, которые разводились здесь же, в укрытых меж скал сетях.

Резные шкатулки. И серьги. И мешки пуговиц из кости морского змея... на самом деле камень, но на большой земле предпочитали говорить о кости, хотя никаких змеев в море давным-давно не водилось. Не важно. Главное, что седовласый Терес сам строго следил за отгрузкой, а после долго и смачно ругался с таким же седым погонщиком...

...своя жизнь.

Тишина.

Покой.

Лавка, которая по бумагам принадлежала почтенной нейте Хордиг. В лавке заправляла хмурая толстая женщина, рано овдовевшая, а потому обиженная на весь мир. Она и трое ее сыновей добывали тот самый белый, слегка пористый камень, который после небольшой обработки становился похож на кость. Они же резали из камня фигурки животных, порой удивительных, порой уродливых, но одинаково нежизнеспособных.

Они делали широкие браслеты.

И пуговицы.

Пуговицы сыпались в кривобокие глиняные горшки, – их лепили на заднем дворе, – туда же отправлялась прочая мелочь, вроде костяных цветочков и крохотных, с ноготь мизинца, ракушек.

В столице ими расшивали одежду.

Ко мне нейта Хордик относилась с тем снисхождением, которое люди проявляют в отношении иных, представляющихся им душевно больными.

Какая нормальная женщина бросит своего мужа?

Откажется рожать детей?

Будет сидеть в углу лавки, ковыряясь в амулетах...

...Корн не обманул.

То заседание было... гораздо более тяжелым, чем мне представлялось. Поняв, что мировую я не подписала, Мар пришел в ярость. А я... я вдруг узнала, каким ничтожеством являюсь.

Его матушка, комкая кружевной платочек, долго и пространно говорила о любви сына к неподходящей девушке. О том, каким унижениям подверглась их семья... о моей неблагодарности... о... порочности натуры.

Она говорила и говорила.

И как-то так, что я сама начала чувствовать себя виноватой.

Потом говорила его сестра... и друзья... и...

В какой-то момент я поняла, что еще немного и не выдержу, что...

...а Мар привел какого-то целителя, несомненно уважаемого, возможно даже действительно хорошего. Но тот заговорил о моем душевном здоровье.

– ...мы имеем явный пример излишней женской мнительности, происходящей естественным образом из особенностей женской психики, – целитель был в очках и при окладистой бороде, возлежавшей поверх темно-зеленого костюма. Он держал в одной руке трость, а в другой – узкую черную книгу. – Женский разум слишком слаб, чтобы самостоятельно справляться с нагрузкой, которой, несомненно, представляется нам учеба в заведении столь достойном...

Его голос убаюкивал.

Очаровывал.

– ...это вполне естественно, что она не справилась с подобной нагрузкой. В таких ситуациях организм защищается. Женщины становятся истеричны...

– Он что, – я очнулась из полудремы. – Он пытается выставить меня сумасшедшей?

– Боюсь, что так, – Корн нахмурился. – Ты хочешь это слушать?

– Нет, но...

...как мне доказать, что я нормальна?

Или...

– Оставь это мне.

– Несчастной нужна помощь, – взгляд целителя задержался на мне. – Ей требуется покой и лечение...

...где-нибудь в маленьком частном и закрытом от внешнего мира заведении, о которых, если и заговаривали, то шепотом.

А мне-то казалось, что хуже быть не может.

Оказывается, что может...

Корн осторожно сжал мои пальцы.

– Последствия могут быть воистину ужасны... женщины, которые слишком много времени проводят за книгами...

– Учатся думать, – перебил свидетеля Корн. – А еще мы выражаем протест...

Он запнулся и нашел взглядом законника, который тотчас вскочил, поддерживая протест, а заодно уж аргументируя, почему и, главное, против чего мы протестуем.

– Идем... – Корн вывел меня из зала, а уж как мы оказались в экипаже, я и вовсе не помню. Именно тогда, кажется, я испугалась, до дрожи в коленях, до понимания, что Мар рано или поздно, но доберется до меня и тогда...

...он не простит.

– Тише, – Корн обнял меня, сдавил так крепко, что дышать стало тяжело, зато я перестала вырываться. – Тише... все будет хорошо... все обязательно наладится. Они просто тебя пугают.

– А если...

– Решением суда ты находишься на моем попечении, – Корн поцеловал меня в макушку, – стало быть, они могут приводить хоть сотню целителей, но пока я не дам разрешения, ни один из них к тебе не приблизится. Однако в одном эта сволочь права...

– Сволочь?

– Как есть сволочь... признанный специалист по решению деликатных проблем. У многих имеются неудобные родственники, а он помогает сделать так, чтобы эти родственники не мешали.

Я сглотнула.

– Не думай о нем. Ему объяснят, что в некоторые семьи лезть не стоит. А вот уехать тебе надо. Этот развод слишком тяжело тебе дается.

– А...

– Оформим доверенность. Без тебя это дело затянется.

– И... куда? – я сумела взять себя в руки и даже не расплакалась.

– Есть у меня один знакомый... из последних действительно вольных сала. Я напишу ему письмо... только там... совсем не столица.

* * *

Ольс – и вправду не столица.

Камень.

И зелень, но не травянистая – трава здесь росла разве что у самого подножия замка, столь древнего, что выглядел он естественным продолжением скалы, из которой поднимался. Кое-как отесанные глыбины смыкались, а тот самый мох, который терял яркую свою зелень разве что в летнюю жару, скрывал и стыки, и щербины, и подпалины.

Приземистая башня, прозванная новой, хотя таковой она была пару сотен лет тому. И развалины старой. Стена, которая в одном месте обрушилась на радость местным козам и мальчишкам. Темное жерло колодца, само собою, проклятого, ибо тянулся он, по мнению местных жителей, до самого дна мира.

Деревенька.

Одинаковые дома с толстыми стенами и махонькими окошками, которые света почти не пропускали и вовсе появились данью современной моде. Старики ворчали, что из окон этих все тепло уходит, а стекла и вовсе баловство. И не могу сказать, что были они вовсе не правы. Летом стекла затягивало пылью. Осень с бесконечными дождями добавляла грязи, а зима и вовсе укрывала их плотным слоем наледи.

Говоря по правде, увидев Ольс впервые, я ужаснулась.

И испытала огромное желание попроситься домой. В конце концов, что мне здесь делать-то? Но... гордость ли проснувшаяся или же страх вновь оказаться втянутой в судебный круговорот, или же просто полное признание собственного бессилия, были тому виной, но я осталась.

Сперва в замке, где мне отвели целых две комнаты, благо, хозяин замка овдовел, дети его предпочли нынешний свободный мир, а почтенная домоправительница, которой в скором времени грозило стать новой хозяйкой замка, ко мне отнеслась снисходительно.

Я была тоща.

Неприкаянна.

И дурновата, если приехала не с нарядами или там шерстью, но с ящиком какого-то железа. А блаженных боги не велели обижать.

Меня и не обижали.

Сперва я просто жила. Просыпалась. Умывалась ледяной водой. Одевалась. Как-то вдруг выяснилось, что прежние мои наряды совершенно не годятся для этого места, но почтенная Гедре принесла с дюжину платьев.

– Дочкины, – сказала она, раскладывая их на кровати. – Когда малой еще была... видишь, не зря сохранила.

Платья, пусть и выстиранные, все одно неуловимо пахли лавандой. Плотная шерсть, из которой они были сшиты, защищала от холода, а легкий плащ из рыбьих шкур спасал и от промозглых местных ветров, и от дождей.

Я подарила Гедре браслет на удачу.

Она приняла его милостиво. И по вечерам мне стали подавать теплое козье молоко с маслом и медом. Я пила... почему-то все, происходящее вокруг, воспринималось ненастоящим, этаким игрой, в которую я вступила по воле брата.

Спустя месяц я решила выбраться из замка.

Спустя два – отыскала место на берегу, с которого удобно было следить за лодками. Через три поинтересовалась, нет ли работы для артефактора. Не скажу, что мне поверили сразу. Все же в этом, будто затерявшемся в прошлом, привыкли, что место женщины – подле мужчины. И все, на что она способна, так это вести хозяйство.

Следующий год я работала.

Просто работала.

На замковой кухне, где помимо сложенного из камней очага, имелась почти новая – всего-то сотню лет разменяла – печь на кристаллах. Энергии она жрала много, а еще с завидной регулярностью выходила из строя, и тогда хозяину, единственному, кто хоть сколько разбирался в артефакторике, приходилось снисходить до кухни.

...он же время от времени восстанавливал стазисную установку, спасая продукты от порчи.

И обновлял защиту.

Питал силой обережные камни рыбацких лодок и связку целительских амулетов, которыми приходилось довольствоваться, поскольку сами целители отчего-то не желали задерживаться на Ольсе.

Печь я починила.

А потом изменила, перепаяв старые энергоемкие и ненадежные контуры. Потом изменила еще раз, стараясь не вслушиваться в глухое ворчание Гедре, которая к новшествам относилась с немалым подозрением. Впрочем, как и большинство местных.

Но печь заработала.

И камни перестала опустошать с прежней жадностью, а уж когда удалось стабилизировать пяток разных температурных режимов, благодарность кухарки достигла небывалых размеров. Виданое ли дело, чтоб хлеб да жаркое без пригляду доходили...

...следом занялась стазисной установкой.

И светильниками, которые работали еле-еле, а в грозовые ночи и вовсе гасли, будто пугаясь стихии. Постепенно люди, еще недавно полагавшие меня блаженной, если не переменили полностью свое мнение, то сочли, что и блаженные могут приносить пользу. А уж когда лодка молодого Нетта, разрисованная мною – вот уж баловство, которое только старики и оценили – уцелела, наскочив на блуждающий морской зуб, снисходительность сменилась не то, чтобы уважением, скорее появилась некоторая толика доверия. А вскоре сала Терес словно бы невзначай поинтересовался, не желаю ли я, случайно, подзаработать пару монет? Дело верное, только...

...я же понимаю, что в нынешнем мире малым островам, навроде Ольса, выжить непросто.

Некогда его прадед держал дюжину кораблей и выходил в море за добычей. Когда попадались косатки, когда... на что иное везло, но теперь-то все иначе.

Косатки, конечно, остались, но морской зверь умен и хитер, а на людей охотиться закон не позволяет. Что остается? Ракушки собирать? Разводить нежную белую рыбу для столичных ресторанов? Оно-то, конечно, тоже неплохо, но...

Душа требует иного.

И мне передали с полдюжины стандартных заготовок, попросив сотворить что-нибудь этакое... интересненькое... что именно? А чего захочется... главное, чтоб без смертоубийства, а то за этакое уж больно королевские псы ярятся.

Признаюсь, заказ поставил меня в тупик. Одно дело чинить, и совсем другое – создавать... что? В голове было пусто, да и не только в голове. Я захватила с собой инструмент, пусть и старый, собранный мною за годы учебы, но вот расходники... ограненных кристаллов всего-то с дюжина. Лунного серебра едва ли полтора грана наберется, не говоря уже о платине или золоте. Впрочем, с золотом на острове проблем не было, стоило лишь упомянуть, как сала Терес принес шкатулку с золотым ломом. Рваные цепочки, гнутые браслеты, некоторые, подозреваю, весьма древние, но...

– Если еще чего надо, напиши, – велел он.

А я кивнула.

И вытащила из шкатулки половину медальона с отпечатком клевера... символ Эйры, стало быть, медальон женский. Кто его разрубил?

В бою ли?

Или же после, когда делили добычу и не получалось поровну? А может, прежние хозяева просто отрезали по куску золота, используя их вместо монет? Такое тоже случалось. Я провела пальцем по неровному краю... похоже на то. Слева обрезали больше, чем справа, и потому рисунок на обратной стороне не понятен, хотя явно какая-то рунная вязь.

Женский...

Почему бы и нет?

Скажем, если взять основу стандартный целительский амулет низшего уровня, благо, схему я помню, а что не помню, то в книгах найдется... и добавить внешний контур.

Стабилизировать гематитами.

Небольшое напыление из лунного серебра исключительно на вытравленные руны, что облегчит ток энергии...

...к вечеру первый из амулетов был готов. Не буду лгать, что выглядел он красиво, скорее представлял собой довольно широкий браслет, украшенный гематитами и грубоватым в первом приближении узором.

– И чего он делает? – сала Терес попытался надеть браслет, но тот застрял.

– Улучшает состояние кожи и волос, – я протянула браслет Гедре. – Попробуйте.

Она фыркнула, но... отказываться не стала.

...тот, первый браслет, так и остался у нее. А я создала еще два, тоньше и легче, что позволило сэкономить не только камни, но и металл, которого осталось не так много.

За браслетами последовал мужской перстень, усиливающий потенцию. И еще дюжина... и защитный амулет средней силы. Золотые запонки с адамантитами, реагирующие на сотню ядов. Не знаю, кому они были нужны, но, озвучивая заказ, сала Терес смущался куда больше, нежели когда беседа шла о перстнях.

В этой работе не было ничего от моей прошлой.

Лаборатория?

Исследования? Рабочие журналы заменила старая тетрадь, в которой Гедре пробовала вести хозяйственные записи, да бросила это дело, ибо по собственному признанию, времени оно занимало изрядно, а толку не имело. Зачем писать то, что без всяких записей знаешь?

Амулет, усиливающий память.

И огневик, спрятанный в крохотной булавке для волос.

Щит Эйры в странном ожерелье, созданном из обрывков других цепочек и горного хрусталя, который гранила я сама. Не скажу, что получалось хорошо, но... когда других камней нет, зато есть огромная друза, покрытая пылью, поневоле научишься.

И я училась.

Я подстраивалась под местный нестабильный фон, настолько разреженный, что любой мало-мальски структурированный поток силы моментально рассеивало.

Я перестраивала стандартные схемы, потому что требовали они совершенно иного расхода материалов, да и не было у меня ни сапфиров, ни алмазов, а полудрагоценные камни обладали другими характеристиками, под которые требовалось подстраиваться.

Это было очень... познавательно.

Заказать нужную заготовку? В теории можно, но ждать придется несколько месяцев, а ожидание раздражает. Куда проще и быстрее выплавить ее самой, благо, в сокровищнице Ольса, в той ее части, которую открыли мне, милостиво позволив брать все, что нужно, хватало золотого лома.

А еще обнаружилась старенькая алхимическая печь.

Набор тиглей.

Формы.

Глина и даже молды из лунного железа, которые заросли пылью, но сохранности не утратили. И пусть схемы на них давным-давно устарели, но я же могла их переделать.

При толике старания.

Старания мне хватало, да и заняться на Ольсе, честно говоря, было больше нечем. За первый год я заработала больше тысячи крон, которым нашлось место в старом матросском сундуке. Часть я хотела потратить на материалы, но сала лишь махнул рукой, велел:

– Пиши, чего надобно. И не стесняйся.

В башне, которую я обжила и приспособила под собственные нужды, сала Терес явно ощущал себя неудобно. А я...

– Если мне не для амулетов? Просто...

...оставленная тема не давала покоя. Конечно, сомневаюсь, что мне удастся создать полноценного голема в подобных условиях, но... кто мешает попробовать?

– И просто пиши... – он дернул себя за бороду и ворчливо заметил.

– А... я не думаю, что... получится достать... но если...

...все же лунного железа понадобится с полторы сотни гран по самым скромным подсчетам, и камней, пусть искусственных, но высокого уровня огранки...

Платины.

А главное, гран триста алюминия, который не так просто приобрести.

Сала Терес усмехнулся, одарив меня снисходительным взглядом.

– Ты не думай, – сказал он. – Ты пиши.

Я и написала.

А он доставил. И бросил только:

– Главное, всякими глупостями не увлекайся, а то ж за смертоубийство королевские псы крепко ярятся...

Совершить убийство я не планировала.

Я просто хотела работать.

Глава 6

Вельма устроилась на столе.

Она подвинула папки и массивное пресс-папье, сделанное из серого гранита. Повертела самописное перо, прежде чем отправить в ящик к другим таким перьям. Подняла крышку серебряной чернильницы и явно задумалась, стоит ли сунуть внутрь палец.

– Прекрати, – попросил Кирис.

Вельма лишь качнула ногой.

Донельзя изящной ногой в шелковом чулочке с идеально ровным швом. Светлая юбка задралась, демонстрируя край подвязки.

Черной.

Кружевной.

Кирис старательно не смотрел ни на ногу, ни на подвязку, чем изрядно забавлял Вельму. И она не давала себе труда скрывать, что ей смешно его провинциальное смущение.

– Ты такой милый, когда дуешься.

Вельма наклонилась и потрепала по макушке.

– Пожалуйста, прекрати, – злиться на нее не получалось.

Совершенно.

Кирис хотел. Он старательно копил в себе раздражение, благо, поводов для него хватало, но оно все равно испарялось, стоило Вельме улыбнуться. Вот так легко, светло, солнечно. Она оперлась на руки и запрокинула голову, зажмурилась, подставляя лицо солнечным лучам.

– В отпуск отправлюсь на Вирдис... ты никогда не бывал на Вирдесе?

– Нет.

– Зря... хотя я тоже не бывала. Я уже купила чемодан. В конце концов, могу я позволить себе чемодан? Розовый.

– Почему розовый? – Кирис отодвинул отчет, в котором не было ни пользы, ни смысла. Кто он такой, чтобы спорить с высочайшим начальством, прямым текстом приказавшим забыть про неизвестного артефактора.

– А почему нет? Я ведь девочка или как? – Вельма пожала плечами. – Мне положено любить розовые вещи, даже если они чемоданы... и платица... я заказала себе восемь новых платьев. В мастерской. Безумные траты, если подумать...

Она вытянула руку и пошевелила тонкими пальчиками, на которых переливалось с полдюжины колец.

– Сумочка... перчатки из лайки и пальто. Тоже розовое, правда, теперь этот цвет называется «пыльная роза», и он даже не раздражает... несессер...

Вельма перечисляла вещи, которые купила или всенепременно купит, когда соберется в отпуск. Глупости, если подумать. И вздохи ее – притворство. Его величество не скупится на службу безопасности, а потому платят агентам, даже начинающим, вполне себе прилично.

Начинающей Вельма не была.

– Все равно не понимаю, – Кирис позволил раздражению проявиться, и перо вспыхнуло в руке.

– Чего не понимаешь?

– Это неправильно... и незаконно... опасно, в конце концов! Нельзя допускать распространения незаконных артефактов... а он... он...

– Приказал не лезть не в свое дело.

– Хуже.

Вельма приоткрыла глаз. Левый. И кажется, ей стало действительно любопытно.

– Сдать на экспертизу, а потом поставить наше клеймо.

– И?

– Это невозможно!

– Почему?

– Потому что, – он снова злился, уже на себя и на Вельму, что ей приходится объяснять очевидные вещи. – Если мы позволим одному, захотят и другие. А мир наводнят самоделки.

– Они его и так наводнили, – Вельма пожала плечами и все же соизволила слезть со стола. – Посмотри, на любой благородной эйте наберется дюжина-другая зачарованных булавок. И заметь, не всегда у эйты будет сертификат или тем паче разрешение. Она вообще, как правило, не способна понять ту рунную вязь, которую наносит на булавочки. Как же... бабушкин рецепт, чтобы волосы вились. Или выпрямлялись. Росли лучше. Не росли вообще. Были гуще или реже... предлагаешь штрафовать, как оно по закону положено?

Вельма сняла пару колечек.

– Вот... это чтобы кожу рук сохранить. А второе – чтобы ногти не слоились. И поверь, клейма на них нет.

– Верю.

– Пройдись по рынку. В любой лавке ты найдешь амулеты на удачу, на любовь, на... да на что угодно. И далеко не всегда это безобидные поделки.

– Знаю.

Кирис полгода отработал на рынках и прекрасно знал, что можно там встретить. Чего стоит тот случай, когда в коробке старухи, распродававшей имущество неблагодарного жильца, однажды просто растворившегося вместе с платой за аренду, обнаружился перстень с частицей демонической силы...

– С этим борются.

– А то, – согласилась Вельма, надевая кольца. – Еще как борются. И это правильно... но видишь, в чем штука, бывает, что попадают хорошие вещи...

Кольцо она бережно погладила.

– Очень даже хорошие вещи... и уничтожать их по меньшей мере глупо.

– Но найти автора...

– Если нужно искать, – она лукаво усмехнулась. – Думаю, Корн вполне себе в курсе, откуда игрушки.

– Тогда что мешает...

– Жизнь, Кирис, – она все же щелкнула его по носу. – Как правило, мешает именно жизнь во всем ее многообразии. Поэтому, будь паинькой, не спорь с начальством и делом займись. Что там тебе поручили?

Она потянулась к бумагам, перелистнула их и поморщилась.

– Дерьмо.

Кирис согласился: полное дерьмо. Вот... опять же, какой смысл?

– Нет... – Вельма постучала ногтем – крепким ногтем, наверняка благодаря незаконному артефакту. – Не может такого быть, чтобы только личное... Корн хоть и зануда редкая, но не настолько, чтобы служебным положением пользоваться. В общем, мой тебе совет: смотри в оба. И не полагайся только на глаза. Есть люди, которых надо... чувствовать. Ильдис из таких.

– А ты откуда...

Она вздохнула и предложила руку.

– Проводи девушку погулять, а то, чувствуя, накроется мой отпуск медным тазом, раз уж Корн решил вот так влезть...

Гуляли в саду.

В городском.

Осень еще не наступила, большей частью благодаря усилиям погодных магов, рассеивавших ледяные северные ветра, но все равно ощущалось. Было что-то этакое в воздухе, то ли

дым костров, которые разводили за оградой, то ли запах влажного камня, то ли острое ощущение близости моря.

– Мороженко будешь? – Вельма отпустила руку и остановилась у ближайшего разносчика. – Какое? Есть фруктовый лед. И еще с шоколадной крошкой... шоколад не люблю. А клубничное?

Мальчишка важно кивнул.

Звенели позолотой березы. И легкий ветерок гулял по парку, тревожа налившиеся цветом астры. Россыпи бархатцев укрыли некогда яркие клумбы, а краснолистный клен важно держал пурпурную листву, всем видом своим показывая, что не намерен сдаваться.

Здесь было непривычно много деревьев.

И многие росли даже не в кадках, а просто так. Говоря по правде, Кирис так до конца не освоился со всем этим... парки, фонтаны и даже пруд с рыбками, причем не съедобными, но разноцветными мелкими карпами, которых полагалось кормить хлебом.

– На, – Вельма сунула в руку ледяной брикет на палочке. – И не надо кривиться, ничего с твоим костюмом не будет.

– Он, между прочим, новый.

– Ага, из лавки готовой одежды, чуть подогнули...

– И что плохого?

– Ничего, только такие, как Мар, подобные штуки нутром чувят. Для них человек, который не может позволить себе личного портного, и не человек вовсе. А уж если дрожит над единственным костюмом...

Кирис мысленно вздохнул.

Этот разговор начинался не в первый раз. Да, костюм был единственным. Какой толк брать дюжину, если через полгода мода изменится и вместо двубортного пиджака все станут носить однобортные? И что тогда, наново перешивать? Да и разницы особой между индивидуальным пошивом и магазином готовой одежды Кирис не видел.

То есть видел. Одну.

В магазине было дешевле, даже с учетом подгонки костюма по фигуре. Ему даже предложили три пары брюк по цене двух. Сплошная выгода. Брюки-то изнашивались быстрее пиджака, хотя Кирис и был аккуратен.

Вельма хихикнула.

И лизнула сахарный рожок, над которым поднималась горка розового льда с цукатами.

– Ладно... повзрослеешь – поймешь.

– Я взрослый.

Вельма была старше на пять лет и порой вела себя совершенно невозможно.

– Так... вот... как бы тебе сказать... Марун – это немного личное... нет, он, конечно, еще то дерьмецо... в общем, у нашего великого и ужасного, – Вельма закатила глаза, – есть сестра. Незаконнорожденная, но признанная...

– Откуда ты...

– Если хочешь не просто выжить, а чего-то добиться, следить за начальством надо. А еще читать всякие полезные журналы, к примеру те, где печатают сводки о жизни наших благороднейших. О браках там, детях и подобное. Скидочных купонов в них, конечно, нет, но все же пользы хватает.

Вот ведь... не удержалась уколоть.

И что плохого в скидочных купонах? На прошлой неделе Кирис, к слову, дюжину банок тушеной фасоли взял за четверть цены. А тушенка с прошлого раза осталась, тогда он прихватил ящик. Теперь можно пару недель ужинами не заморачиваться.

И деньги целее.

– Так вот, эта сестра, к слову, артефактор, с лицензией, да... с неплохим опытом и немалым, как поговаривают, потенциалом взяла и неудачно вышла замуж. Настолько неудачно, что суды уже два года идут. А нашему великому дважды грозили отставкой, только он же ж не памятник, так просто не сдвинешь.

Она говорила обо всем этом просто, как о вещах очевидных. Кирис давно уже перестал удивляться излишней осведомленности напарницы.

Просто слушал.

Он, в конце концов, был не настолько глуп, чтобы... просто не настолько глуп.

– Личный интерес начальства – дело такое... в любой момент может стать твоим личным интересом.

– Ага... у него к тебе, по-моему, один интерес.

– А вот это, – Вельма разом посерьезнела, сбросив маску девочки-стрекозы. – Не твоего ума дело. Ясно?

Кирис кивнул.

– И вообще... ешь мороженое, пока не растаяло.

Совет был дельным.

И мороженое Кирис любил. Втайне. Потому что мужчине как-то стыдно любить мороженое, то ли дело родину.

– Мар... личность крайне неоднозначная. Такой себе... идеальный образец эйта... молод, родовит, силен. И не только родовой силой. Не дурак. В аспирантуре, что бы там ни говорили, совсем дураков не держат. Ему предлагали службу, но выбрал семейное дело...

Мороженое успело-таки подтаять. И теперь приходилось ловить сливочные капли, пока те не перетекли на руку. Впрочем, слизывать с руки тоже было вкусно.

Кирис покосился на Вельму, но той, кажется, было все равно.

– В наследство от папеньки ему достались верфи, правда, не в лучшем состоянии. За пару лет он сумел вывести полуразрушенные заводы в число лучших по королевству. А это, знаешь, требует не только денег, но и мозгов с характером. Вот отец его... честно говоря, про него только и удалось узнать, что имя, и что подавал когда-то надежды... подавал, подавал, но так и не подал. А мать – целительница не из последних, правда, от дел отошла давно. Но умные люди говорят, что бывших не бывает, и что не все целители – это милые леди, которые только и думают, что как бы другим помочь. Эйта Ирма написала пару трактатов по редким ядам. Для широкой публики, конечно, закрыты, но наши переиздают каждый год.

Капля все-таки сорвалась, благо, не на брюки.

Конечно, пятно бы вывели, но во что бы это стало? Женщинам проще, чулки постирал и все.

– Да и сам род... в далекой перспективе не так прост.

Она подхватила розовую каплю мизинце и отправила в рот.

– Родовое владение – остров Бейвир. Слышал?

Кирис покачал головой.

– Темнота... ты когда самообразованием займешься? – Вельма щелкнула по лбу. – А фамилия? Ильдисы?

Он вновь был вынужден признать свою несостоятельность. Фамилий этих... небось, несколько сотен. И всяк чем-то да известен. Голова же у Кириса лишь одна. И далеко не безразмерна. Он, конечно, сдал «Основы геральдики», но, говоря по правде, поставили исключительно из жалости. И еще потому как агентов с даром немного, вот и...

– Некроманты это.

– Так некромантов ведь не осталось.

Вельма закатила глаза.

– Иногда мне хочется тебя побить. Нельзя же быть настолько дремучим! Да, не осталось. Во всяком случае официально. Но кровь-то есть! И темные источники не иссякли. А их вокруг Бейвира без малого дюжина. И разной степени открытости.

Кирис нахмурился.

Нет, сами по себе темные источники особого вреда не причиняют, если, конечно, не поселиться рядом. Тогда да, будут и со здоровьем проблемы, и с психикой. Но где найти такого дурака, который рискнет поселиться рядом с...

– Именно, – кивнула Вельма. – Все-таки ты не безнадежен. Так вот, остров фактически в кольце находится. Некогда там было святилище Джара, из истинных, между прочим. И почему было? Осталось оно, правда, жертв больше никто не приносит...

Она замолчала и тихо добавила.

– Официально. Только вот если неофициально, люди порой пропадают.

– А...

– А заявление? – ответила она на произнесенный вопрос. – И вообще, для вмешательства в дела рода нужны веские причины. Они есть?

Кирис пожал плечами и пломбир в рот отправил. Пусть и большой кусок, и холодно, и явно идет в разрез с правилами приличия, зато меньше шансов, что этот пломбир просто на землю шлепнется. Жалко же.

– То-то и оно... Марун, конечно, не некромант, но... он слишком очарователен, чтобы это было правдой. Женщины его не просто любят, они для него звезду с неба достать готовы. А это ненормально.

Кирис только и смог, что кивнуть.

Женщины...

Он никогда их не понимал. Да и вообще... что странного в обожании эйта? Молодой, красивый и при деньгах. Не жадный, если верить отчетам. Как такого не любить?

– И все-таки, – Вельма вздохнула. – Ты слишком молод для такого дела... с другой стороны, кто станет опасаться наивного дурака?

Наверное, стоило бы обидиться, но...

...налетел ветер, поднял ворох опавшей листвы, закружил красно-желтым вихрем. И Вельма тоже закружилась, засмеялась, подняв руки, будто спеша завернуться в этот еще теплый, но уже осенний ветер.

Разве можно на такую обижаться?

Да и...

...он сам посмотрит.

И решит.

В конце концов, никто пока не требует закон нарушать. На это Кирис не пойдет даже ради начальства.

И вовсе он не дурак.

И даже не наивный.

Глава 7

...два года.

Я почти поверила, что в жизни моей, каковой бы она ни была, наступила стабильность.

Я привыкла и к платьям из местного тяжелого сукна, которое расшивали защитными узорами, – странное дело, но они, почти лишенные магии, прекрасно защищали ткань и от ветра, и от соленой воды. Привыкла к острову и к замку с его обитателями, которые больше не казались мне такими уж странными. К башне своей.

И работе.

К коротким волосам, поскольку выяснилось, что длинные накапливают на удивление много остаточной энергии, а уж та способна испортить любую заготовку. В прежней моей жизни я не работала со сверхтонкими потоками, благо, финансирование позволяло не экономить на проводниках. А здесь...

...волосы впервые я обрезала на Сайман, и сала Терес счел их годной жертвой. Мы вместе стояли над костром, который разложили на древнем алтаре, и я смотрела, как пламя окрашивается зеленью, предрекая мне счастье в личной жизни.

Местным это пришлось по душе.

...с ними я тоже свыклась, что с грубыми на вид рыбаками, из которых лишнего слова не вытащишь, полагаю, отчасти потому, что живы были в их памяти времена, когда выходили они не только на рыбью охоту; что с женщинами их. Те тоже не отличались разговорчивостью. Они, казалось, появлялись на свет с темною кожей и выгоревшими, почти белыми волосами. В столице, верно, это сочли бы уродливым, но здесь...

Здесь все было немного иначе.

А потом вновь появился Мар.

Едва завидев незнакомый цеппелин – тонкий, с виду хрупкий, будто из стекла отлитый – я поняла, что прибыл он по мою душу. И отложила заготовку.

Сняла фартук.

Вытерла ветошью руки. Анатор гасить не стала, не хватало еще ради Мара испортить заготовку, на которую ушло почти семь унций алюминия.

Я провела ладонью по коротким – здесь такие и мужчины не носят – волосам и даже заглянула в зеркало, убеждаясь, что остров коснулся меня. Кожа потемнела, то ли от загара, то ли от веснушек, губы потрескались, а брови стали ярко-рыжими.

Ветер... ветра здесь дуют круглый год.

Я поднялась на башню и смотрела, как кружит чужак, пытаюсь найти точку опоры. Для местных ветров он был слишком легким, а лоцман, не знакомый с течениями, не справлялся, и цеппелин то и дело относил в сторону сизо-лиловых скал. Они были недостаточно высоки, чтобы дотянуться до гондолы, но выглядели довольно угрожающими.

Я помню.

– Ишь, – сала Терес дернул себя за бороду. – Выплясывает, чтоб ему...

Он хотел добавить пару слов покрепче, но лишь покосился на меня с упреком, будто бы я виновата, что воспитание мешает ему выругаться.

Может, и виновата.

Я не знаю.

Но вот пилоту удалось выровнять махину.

Якорные цепи упали на крышу. А я подумала, что было бы неплохо, если бы они не зацепились...

...Мар спустился один.

Светлый редингот, наброшенный на костюм оттенка экры. Темно-лососевая рубашка с тонким галстуком, в котором поблескивала алым глазом булавка. Ботинки сияют. Поскрипывают благоразумно надетые галоши. Но все равно вид у моего супруга на редкость... нелепый?

Пожалуй.

Он же, окинув меня взглядом, сказал:

– Отвратительно.

– Я тоже не слишком рада тебя видеть.

– Куда он тебя запихнул? В эту дыру... – он обвел рукой островок, который с вершины башни казался совсем уж крохотным. И да, вид не слишком впечатлял.

Скалы.

И снова скалы.

Зелень мха, которая прикрывала старые крыши. Пара пристаней и лодки, что сохли на берегу. Здесь пахло морем и еще камнем, и сыростью, и плесенью тоже, но... я, оказывается, и к запахам привыкла. Во всяком случае, они меня не раздражали, не то, что тонкий изысканный аромат туалетной воды Мара.

– Где мы можем поговорить? – Мар поежился.

Да, ветра здесь... были ветра... вон цепелин опять сносит, на сей раз к югу, который глядится обманчиво безопасным, хотя каждый ребенок на Ольсе знает, что именно там, где-то в туманах, не исчезающих даже летом, прячутся Лыдые пики. А уж они рассадили брюхо не одному цепелину.

Ветра продували редингот.

И костюм, пусть и сделан он был из тонкой шерсти. И рубашку тоже. Мар слегка покраснел. Светлокожий, он краснел легко и этим раздражался. Вот и сейчас губы поджал.

– Здесь, – сказала я.

А сала Терес отошел к краю площадки. Забравшись на старый зубец башни, он сел, свесив ноги в бездну. Я знаю, защитное поле не позволит ему свалиться, но... все равно смотреть на это было жутковато.

Мар вон поежился.

– Наедине, – уточнил он.

– Мы в достаточной степени наедине.

– Боишься?

– Нет, – как ни странно, я и вправду не боялась. Я знала, что остров защитит меня, да и сала Терес не так уж прост, если до сих пор сохранил хотя бы эту видимость свободы. – Это тебе впору опасаться... неуравновешенной женщины.

Мар не стал отпираться, лишь руками развел: мол, на войне все средства хороши. И я склонила голову, выражая согласие: именно, на войне.

И да, хороши.

А Ольс – это даже не средство. Это почти дом.

– Тебе здесь не надоело?

– Нет.

– И вернуться ты не хочешь? – недоверчиво уточнил Мар.

– Не хочу, – я закуталась в тончайшую с виду шаль. А вот несмотря на кажущуюся хрупкость, от ветра и холода она защищала великолепно.

Шерсть – тоже волосы.

А руны и вязать можно, просто многие в том большом мире забыли старинное это искусство.

– То есть, тебе здесь нравится? – Мар нахмурился.

Он и вправду ждал... а собственно говоря, почему бы и нет? Для человека, привыкшего к иному миру, здесь было... неудобно.

Холодно.

И тоскливо.

Нечем заняться. Ни театров, ни ресторанов, ничего, помимо моря и камня.

– Вполне.

– И чем ты, с позволения сказать, здесь занимаешься?

Я пожала плечами.

– Чаек кормлю.

– Целыми днями?

– Ты не представляешь, насколько местные чайки голодны.

К слову, чистая правда. Более прожорливых тварей и представить невозможно. Вон, поднялась стая, кружит, будто примеряясь к цеппелину, который чайкам, наверняка, представлялся этакою преогромной рыбиной. И рады бы сожрать, да как?

Вот и орали, и, что куда хуже, гадили.

– Чаек, стало быть... – Мар помялся, явно не представляя, о чем говорить дальше. – А волосы зачем обрезала?

– От вшей спасаюсь.

Надо же, какие мы брезгливые... с трудом удержался, чтобы не отступить. К счастью ли, к сожалению ли, но я умела читать и его маски.

– А артефакт... не помогает?

– Куда мне за твое содержание артефакты покупать? – почти и не солгала. Содержание, им выделенное, я тратила исправно, не забывая отправлять отчеты о заказанных чулках и булавах. К слову, булавки, если брать материковые, имперские, оказались сделаны из весьма качественной стали.

В общем, место им в хозяйстве находилось.

– Гм... мы ведь можем договориться.

Это он утверждает или спрашивает?

– Я готов пойти тебе навстречу. Забрать отсюда... я куплю тебе дом.

– У пруда с лебедями?

– Что? – Мар запнулся. – Если хочешь... у пруда. Или потом выкопаем.

– Лебедей тоже выкопаем?

– Эгле!

– Да я так... интересуюсь.

Чайки, устав осаждать цеппелин, опустились ниже. И теперь оглушающие их вопли доносились, казалось, со всех сторон, из-под земли, что характерно, тоже.

– Может, все-таки поговорим в другом месте?

Я покачала головой.

– Дом не мой. В гости не зову.

– А если попрошусь?

– Попробуй.

Мар создал белый шар пламени и... порыв ветра стащил его с ладони и разодрал на отдельные искры. Что поделаешь, энергетические потоки на Ольсе столь же нестабильны, как и воздушные. А уж мало-мальски серьезный всплеск приводит к возмущениям, в результате чего...

...с защитой на башне мне в тот раз повезло.

Мар нахмурился. Оглянулся.

– Эй вы, милейший, не соблаговолите ли сообщить хозяину, что к нему гости.

– Не соблаговолю, – сала Терес даже не обернулся. Он вытащил из-под полы кусок черствого пирога и, отламывая куски, швырял их чайкам. – А пришлым тут не рады...

– Дикая люди... собирайся, Эгле, мы уезжаем. Это место не для тебя.

– А какое для меня?

– Ты мне нужна.

– А ты мне нет.

– Что тебе надо?!

– Развод. И шоколадку. Только чур с орехами. С орехами люблю... а тут с шоколадом как-то вот не сложилось...

– А я говорил, писать надо. Писать! – сала Терес раскрыл ладонь, в которую вцепились сразу две чайки. Они верещали и норовили ударить друг друга, а заодно и руку, рыжими клювами.

– Эгле!

– Послушай, – я поплотнее закуталась в шаль. Небо темнело, а ветер крепчал. Облако чаек и то развеялось, а стало быть, грядет буря. Местные же бури проще переживать под защитой замка. – Мне все равно, что тебе нужно... подозреваю, с твоим заказом не все ладится. Ты взялся за проект, который не тянешь...

И по тому, как исказилось лицо Мара, я поняла, что права. Что ж... может, Ольс и далек от столицы, но газеты нам доставляют исправно. Да и брат время от времени дает себе труд отписаться, хотя большей частью говорит о вещах не самых важных. Но строительство «Великого Норгри» и он не обошел стороной.

Величайшая задумка.

Цеппелин небывалых размеров, который докажет всему миру, что Эйерин по праву считается хозяином небес... кому, как не славным верфям Ильдисов доверяют столь важный, одновременно и денежный проект?

...полагаю, за прошедший год Мар сполна осознал, что просто увеличить стандартный большегруз до заказанных короной размеров, не выйдет. И одних патентов не достаточно.

Злорадствовала ли я? Пожалуй.

Я все-таки живая.

Радовалась? Нет. Мне... мне просто было не интересно. Да, пожалуй, сейчас я могу выторговать куда больше, чем год тому, но... на развод он все равно не пойдет. А в остальном... дом побольше? Платья? Драгоценности? Сомнительное счастье появиться в свете? Некоторая иллюзия свободы при внешнем соблюдении приличий?

Не хочу.

– Мне нужна твоя помощь. Это ты хотела услышать? – процедил Мар сквозь зубы.

...а когда ему надоест эта игра, меня убьют. По его ли заказу, по молчаливому ли согласию, из соображений родовой необходимости или технической безопасности. Какая разница? Я достаточно разобралась в теории математических вероятностей, чтобы просчитать свое будущее.

И еще...

Я не то, чтобы не любила цеппелины. Просто... мой проект был для меня куда как интересней.

– Значит, нет? – Мар верно понял мое молчание.

– Нет, – подтвердила я.

– Мы могли бы заключить договор... соглашение к брачному. Задним числом. Это допустимо. И твой брат...

...вряд ли одобрит, поскольку любой договор можно обойти.

– Нет, – я покосилась на чаек, которые теперь сидели спокойно, лишь недобро косились друг на друга, будто подозревая в чем-то на редкость нехорошем.

Мар качнулся, переваливаясь с пятки на носок и обратно. Ветер ударил его в грудь, но разве ветер станет помехой для благородного эйта?

– Знаешь... в столице появились весьма интересные вещички... такие маленькие, симпатичные... девичьи большей частью.

Знаю.

Как не знать. Позавчера очередную партию отправили. Пяток колец, убирающих сухость кожи на руках. Пара цепочек на щиколотку – позволяют бороться с натоптышами и мозолями, а еще снимают боль, если случится примерить новую обувь. Гребни, способствующие росту волос и придающие им блеск. Заодно и секутся волосы, которые этими гребнями расчесывают, куда как меньше.

Кольца на потенцию.

И на рост мышечной массы... последние – новинка, но сала Терес уверен, что спросом она будет пользоваться. А к ним целая шкатулка булавок от излишней потливости. Тоже, если подумать, полезное дело. Главное, что энергии для создания они требуют мало, впрочем, и служат пару месяцев от силы, после нуждаются в замене. Но булавок стараниями мужа у меня имелся изрядный запас, оставалось лишь нанести на головки тонкий слой алюминия, а там и печать рунную поставить.

Да, у местной магии были свои секреты.

– И вот главное, откуда взялись – неизвестно... королевская служба безопасности обеспокоена. Самопальные артефакты, как понимаешь, до добра не доведут.

– Совершенно согласна...

...нам на курсе по технике безопасности об этом тоже говорили. Но я в своих изделиях уверена, и право на клеймо имею, другое дело, что поставить его означало нарушить очередное – уже право слово, не помню какое по счету – судебное предписание. А я чту закон.

Некоторый.

– И если выяснится... если удастся отыскать того умельца, который рискнул создавать... – Мар глядел мне в глаза. А я глядела ему. Раньше бы не выдержала, смутилась, отвернулась... куда только подевалось мое прежнее благоговение? Впрочем, куда бы ни подевалось, там ему самое место. – Его ждет масса неприятностей...

...а то, знал бы он о маленьком моем проекте... не то, чтобы совсем уж незаконном, просто... некоторые вещи не принято выносить за пределы закрытых лабораторий.

С другой стороны моя башня тоже закрывается. И замка целых два, другое дело, что несколько проржавевшие, зато и засов имеется.

И вообще...

– Я ведь знаю твою руку...

– Которую? – на всякий случай я вытянула обе.

– Эгле, я серьезно... я пока молчу, потому как скандал и мне без надобности, но ты заставляешь меня поступать некрасиво.

– Еще более некрасиво, чем раньше?

– Если я обращаюсь в службу безопасности... – он выразительно замолчал, позволяя мне додумать. Наверное, два года тому я бы испугалась. Само словосочетание – служба безопасности – произносилось иначе, с легким придыханием и тихо, будто опасаясь, что там узнают...

Два года назад.

В бездну время. Хотя порой оно будет полезно.

– Надеюсь, у тебя есть доказательства, – руки я убрала за спину. – В противном случае я вынуждена буду отписать брату, что ты вновь... как там... пытаешься давить на меня и нарушить мое хрупкое душевное равновесие. Нехорошо...

– Думаешь, самая умная? – Мар нехорошо сощурился.

– Думаю, что шантажист из тебя хреновый, – искренне сказала я. – Если это все, то я, пожалуй, пойду... и тебе стоит вернуться.

А мне убраться, поскольку завтра, полагаю, Мар вернется и не один.

Глава 8

...я оказалась права.

Тот же цеппелин кружил над башней, пытаюсь пристроиться к швартовочному шпилью, а сала Терес вполголоса матерился. Не на меня. На криворукого пилота, не способного выполнить элементарную стыковку.

С Маром прибыли трое.

Грузный, отягощенный немалым весом и долгом, чиновник, на сером пальто которого мышинным хвостом болталась ранговая лента. Маров поверенный, человек редкой степени занудства, но в целом весьма полезный. И рыжий тип в мятом костюме.

Та самая служба безопасности?

Или всего-навсего надзор?

Тип представляться не спешил, он позевывал и ежился под порывами пронизывающего ветра, а еще кРутил головой, и длинные волосы его то поднимались облаком, то опадали, закрывая глаза. Тип убирал их, но местные ветра слетелись на новую игрушку.

– Терес, засранец ты этакий, – дружелюбно сказал толстяк, вытирая пот со лба. – Чего ты творишь?

– Чего хочу, то и творю, – отозвался хозяин Ольса. – Я в своем праве.

– Только если оно не вступает в противоречие с законом.

...их пустили в замок.

И рыжий, будто очнувшись ото сна, встрепенулся, отряхнулся и вытащил из рукава золоченую бляху, от которой пахло силой. Все-таки служба безопасности. Та самая, королевская, от которой человеку здравомыслящему стоит держаться подальше.

– У меня есть ордер на обыск замка, – сказал он мягко, будто извиняясь и за ордер, и за бляху, и вовсе за свое здесь присутствие. – А потому, может, не будем тратить ваше и наше время. И вы сами во всем признаетесь?

Толстяк поморщился.

Мар посмотрел на меня преснисходительно: мол, я тебя, глупенькую, предупреждал. Не виновата? Сама виновата. Но если очень и очень попросишь, я тебе помогу.

– В чем? – уточнил сала Терес, которого, кажется, ни бляха, ни рыжий не впечатлили. А ведь все знают, что в СБ не берут бездарей.

Рыжий икнул, прикрыл рот ладонью и поинтересовался.

– А в чем можете?

– Вино, – сала Терес подумал и сказал. – Имперское. Белое. Легкое. Девять бочек... без королевской печати. Для собственного потребления.

– Все девять бочек? – рыжий вновь икнул и скривился. Укачало его, что ли?

– Так ведь... чем здесь еще заняться? И красного полдюжины.

– Альежское? – толстяк потер руки. – То самое...

– То самое.

– А коньячок?

– И коньячок имеется...

– Хватит, – рявкнул Мар. – Нас интересует совсем не вино. Где лаборатория?

– Там, – сала Терес указал направление. – Прямо по коридору, а потом наверх...

Двести семьдесят восемь ступеней, причем не самых низких. Лестница извивалась змеей. Местами проход становился донельзя узким, а ступени высокими. В принципе, здесь и подъемник имелся, но... сломался.

Старый ведь.

– Я... не думаю... что во всем этом... – толстяк остановился, переводя дух. Он вытащил платок и вытер лоб. – Есть... хоть какой-то смысл... сала Терес мой давний... знакомый.

– Вижу, – сквозь зубы процедил Мар.

А я что?

Я вообще держалась позади, ведомая исключительно любопытством. Что поделаешь, женщины слабы и излишне любопытны, впрочем, кроме любопытства они подвержены многим иным порокам. Все так говорят. И не стоит людей разочаровывать.

– Сомневаюсь... что вы там... найдете... хоть что-то...

Мар лишь фыркнул. Вот... а раньше мне казался человеком неглупым. Подъем продолжился. И закончился перед дверью, которую перечеркивали две железных полосы. Оба замка были заперты, засов задвинут, но когда такие мелочи останавливали службу безопасности.

Небрежный взмах руки, и замки слетели на раз.

И вот к чему ломать было? Попросили бы, сала Терес и открыл бы...

– Что за... – Мар все-таки добавил пару нехороших слов. А он запыхался... стало быть, пробежки забросил, да и на полигон времени не осталось. Вот и сказывается. – Что это?

– Лаборатория, – миролюбиво произнес мэтр Терес. – Как просили.

– Но она ж...

– Это еще от моего деда осталась, – он вытащил плитку жевательного табака и, отломив кусок, сунул за щеку. – Любитель был поковыряться... сотворить что-нибудь этакое. Потом, правда, в грозу пришибло, но сам виноват, окна закрывать надобно. Мы и закрыли. Окна тоже.

Здесь пахло сыростью, пылью и тленом.

Тихо ржавел древний анатор. Покрылись слоем окалины бронзовые чаши, заросла зеленою медь. И толстый слой пыли покрывал стеклянную посуду. Пыль лежала и на полу, свисала с углов клоками, прикрывая клубки проводов. Старый осциллограф, похожий на полудохлого паука, ютился в углу.

Высилась стопка лабораторных журналов, надо полагать, изрядно поеденная мышами...

Башня исправно хранила свои секреты.

– Сюда почитай никто и не заглядывает... лет десять уже точно, – сала Терес старательно пережевывал табак. – Оно, конечно, вроде и место, а издохнешь, пока доберешься. Сперва думал перестроить, а после... на кой ляд оно сдалось? Дом не любит, когда его без нужды беспокоят.

А это уже было предупреждением. Но разве ему вняли?

– Он над нами издевается, – Мар повернулся к сала, но взгляд его почему-то остановился на мне. – Они сговорились... моя жена и этот...

Я опустила взгляд в пол.

И стиснула подол платья, всем видом своим изображая несчастную, забитую жизнью женщину. Много усилий не потребовалось: с обрезанными волосами и кожей, на которой местные ветра оставили свой след, я выглядела в достаточной мере жалкой, чтобы рыжий отвел взгляд. А вот чиновник покачнулся, встав между мной и Маром. И видит Эйте, движения его, еще недавно неловкие, нелепые, вдруг обрели характерную текучесть.

– Это она, – Мар злился. На себя ли, на меня, на весь этот дерьмовый мир, который не дает просто жить так, как хочется. – Она делает те цацки, а этот... вывозит и продает. Это ведь просто проверить, верно?

Я тоненько вздохнула.

И скрестила руки на груди.

– Полегче, парень, – в голосе чиновника прозвучала угроза. – Нечего тут кричать.

– Позвольте ваши руки, – рыжий теперь разглядывал меня. И в светлых его глазах – надо же, почти прозрачные, как местное небо, хотя с характерным отливом, выдающим огневика –

не было ничего. Ни раздражения. Ни желания поскорей закончить с неприятным делом. Ни ожидания...

Равнодушие?

Пожалуй.

Небу ведь глубоко наплевать на то, что происходит там, ниже. Разве что острые шпильки горных пиков способны ненадолго потревожить его покой.

– Вы не обязаны, – толстяку не нравился и рыжий тоже. – Без судебного предписания.

...которое они получают ближе к вечеру. Если не получили загодя, в чем я почти не сомневалась. А потому молча протянула руки.

– Надеюсь, концентрация соблюдена? – уточнила я, глядя на темную склянку, появившуюся из внутреннего кармана пиджака. Пиджак был мят, слегка кривоват и сидел так, что плечи рыжего казались непропорционально огромными, а руки – коротковатыми. – Не хотелось бы остаться без кожи...

Толстяк засопел.

Надо бы узнать, как его зовут. Наверняка еще один старый и крайне полезный знакомый сала Терес. Рыжий продемонстрировал печать.

Разломил ее.

Пробку вытаскивал зубами, что делать, к слову, крайне не рекомендовалось. Но я промолчала. Кто я давать советы целому королевскому псу? А вот и платок. Запечатанный, как водится... и снова печать трескается при прикосновении к ней узкого перстня.

Жидкость полупрозрачна, а вот запах у нее до крайности резкий, аммиачный.

Она впитывается в платок, впрочем, рыжий довольно экономен, а может, не впервые проводит процедуру. Платок касается моей ладони.левой.

И правой.

Две влажных полосы краснеют моментально. И Мар подпрыгивает, надо полагать, от радости. А вот рыжий хмурится. В отличие от Мара он знает, что ни один реагент, оседающий на коже, не оставит такого плотного и, главное, равномерного поля.

– Сала Терес, – мой голос звучал тихо, виновато даже, – позволите ли вы...

Он молча протянул руку. А рыжий также молча провел по ней платком. И хмыкнул, когда след окрасился алым. Во взгляде его появилось... любопытство? Пожалуй.

– Соль, – сказала я и ресницами хлопнула, потупилась, старательно глядя не на рыжего, а на собственные туфли, тоже пострадавшие от соли, впрочем, как по странному совпадению, и прочая моя одежда. – Здесь ветра такие... соленые... к вечеру на коже прямо корка образуется. И на волосах. И на одежде...

...а ионы натрия весьма неплохо вступают в реакцию Каррье.

– Гм, – произнес рыжий, с сомнением разглядывая свою бутылочку, будто прикидывая, имеет ли смысл тратить остатки реагента.

А он, к слову, недешев.

Но мне ли печалиться о чужих расходах?

* * *

Сестра великого и ужасного Корна была похожа на воробья.

Мокрого.

Слегка облезлого.

Донельзя нервного. Она изо всех сил старалась казаться спокойной, но... нервозность ощущалась. Во взглядах, которыми девица одаряла супруга, в быстрых движениях пальцев, в... да во всем! А главное, было совершенно непонятно, что Мар в ней нашел. Это же...

Недоразумение.

Мелкое.

С кожей, настолько густо усыпанной веснушками, что казалась она рыжей. С неприлично короткими волосами и слегка оттопыренными розовыми ушками. На ней было мешковатое платье из грубой неровно выкрашенной ткани. Чересчур широкое, мягое и украшенное неожиданно замысловатой вышивкой, это платье раздражало сильнее всего.

Кто сейчас носит такие, длиной в пол?

Со шнуровкой?

С руками узкими до того, что, кажется, вот-вот треснут?

А еще девица точно знала, что некрасива, но почему-то знанием этим не тяготилась. То есть, она нервничала, но отнюдь не по поводу внешнего вида и своего несоответствия высокому титулу супруга. И вот это вот... недоразумение, оно действительно артефактор?

Перспективный?

Да ладно...

...правда, тест Каррье она обошла.

Именно обошла.

Что бы ни было у нее на ладонях – а нельзя работать в лаборатории и не замараться – оно надежно смыто морской водой. А дело именно в воде, что бы там ни говорили. Только... не докажешь ведь.

...и лабораторию, настоящую, а не ту обманку, в которую их носом ткнули, им не найти, если Кирис правильно понял это место.

Все равно обидно.

Как щенка... могли бы предупредить.

Девица, словно догадавшись о нелестных этаких мыслях, дернула плечиком и фыркнула, мол, думай, что хочешь, а я...

...додумать Кирис не успел: живот болезненно сжало.

– Прошу прощения, – он развернулся и, протиснувшись мимо толстяка, от которого за милю разило особым корпусом разведки, бросился вниз по ступеням.

Только бы...

...но нет, спазм отпустил, позволив дышать.

И что дальше? Обыск устраивать придется, Ильдис ждет помощи, вот только Кирис не уверен, что должен эту самую помощь оказывать. Могли бы, право слово, дать точные инструкции, а то тычешься, как слепой котенок.

...который того и гляди обгадится, вот весело будет. А ведь казалось, что отпустило. Три амулета стандартных извел. За них еще и отчитаться надо будет и так, чтобы правда не всплыла, ведь засмеют...

На плечо легла чья-то рука, заставив Кириса вздрогнуть.

– Не обманывайся, – тихо произнес Ильдис. – Она не такая простушка, какой кажется. Вот увидишь, мы здесь ничего не найдем...

– Тогда зачем?

Он пожал плечами.

– Интересно было... взглянуть. А еще надеялся, что ей надоело. Женщины... ты же понимаешь, до чего они непостоянны...

...Ильдис держался просто.

Пожалуй, именно эта простота и подкупала.

Кирис ждал... он и сам толком не знал, чего ждать от субъекта, у которого не было причин симпатизировать какому-то там агенту, навязанному, возможно, силой. А он первым руку подал. И кривиться не стал, что одет Кирис как-то не так...

Наоборот, даже поинтересовался, кто костюм шил.

Кирис честно сказал, что понятия не имеет, потому как в лавках готовой одежды портные не имеют обыкновения представляться. Но костюм хороший.

Крепкий. И цвета немаркого. Вот прошлый Кирис по глупости светлым купил. Красиво, да, только после первого же дела выкинуть пришлось. Пятна крови и магией плохо выводятся.

Ильдис еще посмеялся, но не обидно, и сигарой угостил. А пока до острова добирались, рассказывал... всякое. Кирис тоже рассказал. Ничего такого, что было бы запрещено, но... во поддержание беседы. И вполне себе получилось контакт установить.

...заодно от бурления в животе отвлечься.

– Да, в свое время я совершил ошибку, – Ильдис вытащил серебряный портсигар и, раскрыв, протянул Кирису. – Глупость... кто застрахован от глупостей?

Никто.

Вот только, судя по докладам, глупости Ильдис совершал с завидной регулярностью, меняя одну любовницу на другую, а другую на третью. Правда, был с бабами щедр, и что еще надо?

...мысли были злыми. От боли, не иначе.

– Она обиделась... я просил прощения, – Ильдис оперся на подоконник. Это, конечно, зря. Местные строения выглядели так, будто готовы были развалиться от любого пинка. Оно, конечно, иллюзия, но... – Она решила показать характер. Если бы не вмешательство вашего начальства, все закончилось бы еще пару лет тому. Мы бы сумели договориться. А теперь что?

– Что? – послушно повторил вопрос Кирис.

...и все бы хорошо, почти правильно...

Но не отпускало ощущение некоторой неправильности, легкая нотка фальши, как в той несчастной тушенки, которая слегка горчила, почти даже совсем незаметно, но в итоге Кирис третий день животом маялся, едва вылет не пропустил.

И Вельма обозвала идиотом.

Полным.

Может, права была, но ведь срок-то хороший стоял, а что банка слегка вздулась, так Кирис в иные времена и не такое ел. Разбаловался он тут... на казенных харчах.

...может, стоило послушать и попросить замену, но... гордость не позволила. Да и показалось, что полегчало... три амулета, как-никак...

В животе опять противно заурчало, но Ильдис сделал вид, что не слышит.

– Ничего хорошего. Она заперта в этой тюрьме, – он стряхнул пепел, но ветер, подхватив комок, закружил его, швырнул в лицо, правда, не попал. – Растрчивает свою жизнь... свой талант... ты видел, на кого она стала похожа?

Живот потянуло.

И кажется, рано Кирис обрадовался, что отпустило. Вот же... хорош он будет, если вдруг... он оглянулся, пытаясь вспомнить, где здесь уборная.

– Моя жена должна жить в нормальном доме. Носить нормальную одежду. Я боюсь представить, что с ней будет лет через пять! Я не хочу для Эгле такой судьбы...

– Я... – Кирис сглотнул, представив глубину своего падения, если... – Я постараюсь... поговорю с ней... извините.

Ильдис рассеянно кивнул. Кажется, мыслями он был далеко отсюда.

И когда Кирис отступил, осторожно, – что-то подсказывало, что резкие движения чреваты, – бочком, даже не обернулся в его сторону.

...повезло.

Он успел добраться до уборной.

И даже не задержался в ней слишком уж долго, большей частью благодаря тому, что за последние три дня он потреблял лишь воду. Вот и...

... а ведь остальной ящик выбросить придется. Благо, тушенки осталось едва ли на треть, но все равно жаль. Или не в тушенке дело, а в фасоли? С фасолью сложнее, она сама по себе темная, а еще в соусе этом, который не понять, кислый потому, что сам по себе такой, или потому как испортился.

Но если и фасоль...

Этак разориться можно.

Из уборной Кирис сперва выглянул. И почти не удивился, увидев сала Терес, который ловко ухватил Кириса за шкуру и в уборную запихнул.

– Мальчишка, – рыкнул он, обдав смесью запахов: острого перца, табака и камня, а еще старой крепкой крови, которая привязывалась к тем, кто изрядно ее пролил. Этот запах, как и запертая внутри тела сила, ощущались шкурой. И напрочь отбивали всякое желание сопротивляться. – Корн совсем из ума выжил, пацанье горькое отправлять?

– Я не пацанье.

Стоило бы обидеться.

В конце концов, Кирис не вчера на службу пришел. И не позавчера. Он уже два года как при конторе.

... и не с конторы начинал, кто ж туда с улицы берет-то? Нет, сперва были южные рубежи с несуществующей, но вполне реальной их войной. Она началась давно и закончится еще не скоро, а может, и не закончится, но будет тянуться до самого окончания мира.

Была рекомендация.

И перевод во внутренние войска... служба охраны порядка с нудными патрулями и морем, которое отчего-то отмеченных короной не любило.

...короткие рейды и снова кровь, берега, вылизанные морем добела, но все равно меченые.

Удача.

Предложение, от которого Кирис не думал отказываться. Пара месяцев на Забытом острове, где из него, мнившего себя умелым магом, лепили и вправду мага. Практика... пара заданий... Вельма и вот. Только сала Терес это, если и видел – а видел, стоило признать, он куда больше, чем следовало бы – все равно всерьез Кириса не принимал.

И по лбу щелкнул.

Больно.

– Дал себя заморочить.

– Я не дал...

Лоб гудел, живот опять урчал, причем так громко, что не услышать это урчание было решительно невозможно.

– Дал, дал, – сала Терес отпустил Кириса и пиджак ему одернул, смахнул несуществующие пылинки. – Ходишь по пятам, в рот разве что не заглядываешь.

И вовсе Кирис не...

...разве что немного. Так у него задание. Следить. Ему еще отчет писать, между прочим, а как его писать, если он объект из поля зрения выпустит?

– Но не твоя вина, тут кто поопытней быть должен, а ты... щенок. Так вот, щенок, ты ищи, но не заискивайся. Делай, чего поручили, но если я тебя куда не пушу, головой о стену не бейся. Стены тут крепкие, не одну голову на них положили...

– Если я найду... следы лаборатории... я буду обязан доложить...

Второй щелчок по лбу заставил замолчать.

– Не найдешь. Ты лучше за своим придурком приглядывай, а то совсем мне девочку запугали. А ей, между прочим, еще работать... и вот что...

Он распахнул полы пиджака, пощупал ткань и скривился:

– Купил бы ты себе нормальной одежды, что ли. Я Корну отпишусь, чтоб пригляделся. Не дело это, когда агент выглядит, будто вчера пугало обобрал...

Во внутренний карман пиджака скользнул камешек.

– Носи с собой. И пойдём, отведу, Гедре подлатает. А ты больше всякую дрянь не жри.

Хотелось ответить, резко и всенепременно так, чтобы стало ясно: вовсе Кирис не юнец желторотый, а маг немалой силы. И место свое он получил не по протекции. И службу знает. Его даже ранили... правда, скорее по собственной глупости – надо было щит ставить – но все равно...

...он бы, может, и награду получить мог бы.

А тут...

В животе заныло, а рот наполнился тягучей слюной. И когда сала Терес взял его за шкуру, Кирис только и смог, что штаны придержать.

Без штанов воевать как-то... неприлично.

Тащили его по лестнице.

Впихнули в комнатушку, где было тесно, пыльно и пахло травами. А потом женщина со строгим взглядом матерого целителя, привыкшего к общей безалаберности и наплевательскому на себя отношению, сунула в руки склянку, велев:

– Пей.

И Кирис выпил.

Зелье было кислым, и еще горьким, и тягучим. Оно как-то долго текло по пищеводу, чтобы упасть в желудок тяжелым комом. И тот сжался, грозя избавиться от такого лекарства, но на живот легла ладонь, а женщина сказала:

– Сейчас полегчает. Вот что у вас, молодых, за привычка тащить в рот всякую гадость?

Кирис икнул.

Тепло от ладони проникало внутрь и становилось легче. Настолько легче, что получалось даже дышать. Ну и икать.

– И главное, каждый второй... это чайки и камни переварить способны, а вы, обалдуи...

Она добавила пару слов покрепче, а после протянула флягу.

– Как почувствуешь прилив дурноты, сделай глоток. Если не почувствуешь, то каждый час по глотку. И так пока не закончится. Дня два посидишь на овощных бульонах, а там потихоньку на нормальную еду переходи. Ясно?

Кирис кивнул.

С целителем спорить – оно себе дороже. Целители... помнится, в прошлый раз его просто в сон погрузили за то, что встал раньше положенного.

– Сколько амулетов извел?

– Три, – пришлось признаться, потому как врать целителям тоже не стоило.

– Напишу бумагу, что инфекция... передашь старику. Все еще занудствует?

Кирис опять кивнул.

– Правильно. Во всем порядок быть должен, – Гедре протерла пальцы тряпицей, смоченной в темном травяном растворе. – С девочкой нашей ты поаккуратней. Я ее месяц восстанавливала... а тебе, считай, повезло.

Она взялась за виски, заставив вывернуть голову. Шея и то заныла.

– Сложно заморочить человека, который думает о том, как бы не обделаться... так что, скажи спасибо.

Кирис сказал.

Богам.

И за везение это странное, и за то, что все-таки не обделался.

Глава 9

Замок все-таки обыскали, потратив на это остаток дня. А после, убравшись с острова – сала Терес решил, что не собирается проявлять гостеприимство к людям столь оскорбительно недоверчивым – вернулись на следующий день расширенным составом.

Пара алхимиков.

Еще один поверенный, озаботившийся захватить связку судебных решений, которую он попытался было всучить сала, но был послан по батюшке. Впрочем, это не помешало сала сформулировать протест. И его он лично передал рыжему, потребовав зарегистрировать оный согласно общему положению о вольностях и правах сала...

...пара дней и еще пара.

Все похожие один на другой, словно отражения друг друга в кривом зеркале, том самом, что висело внизу, в темном закоулке, медленно зарастая пылью. Его дурной нрав был известен всем обитателям дома, вследствие чего зеркало обходили стороной. Мало, знаете ли, удовольствия вдруг узнать, что твой нос велик, а под первым подбородком появился второй, что платье тебя полнит, а и без платья вес далек от идеального... в общем, говорю же, характер у зеркала был на редкость поганый. Уж не знаю, что оно показало Мару, но супруг от него отшатнулся, схватившись за родовой амулет. А вот рыжий перед зеркалом задержался надолго, едва ль не обнюхал, после и снять велел.

Это он, конечно, зря.

Тайные ходы в замке имелись, я сама знала с дюжину, но эта стена была обыкновенной. А весило зеркало прилично, там вон рама из холодного железа с литьем, полагаю, не просто так ставленая.

Но стену рыжий простучал.

И обратную сторону зеркала осмотрел, вооружившись огромной лупой с розовым стеклом. Мне даже стало любопытно, что он такого заметил.

– Проклято, – рыжий покосился на меня, будто полагал виноватым.

– Это не я.

– Давно уже...

– Тещенька моя, небось, – сплюнул сала Терес, – та еще ведьма была, упокойте боги ее душу. Она его приволокла. Все зудела, что только в нем правда и видна...

– Правда? – Мар вцепился в мою руку и подтолкнул к зеркалу, – ну-ка...

Правду я уже видела, а потому не испугалась, увидев блеклое недоразумение с испуганным взглядом. Отражение мое было пыльным, каким-то неуверенным, будто зеркало само не способно было решить, стоит ли тратить на него силы.

– Что ты себе позволяешь, сопляк? – рев сала Терес заставил замок содрогнуться. – Вон пошел... с моего острова.

– Вы права не имеете, – Мар вздернул подбородок, а рыжий убрал лупу во внутренний карман. Жаль. Я бы не отказалась разглядеть ее поближе. Почему стекло розовое?

Цвет – это банальное колорирование стекла?

Или дело во внешнем эффекте наложенных на лупу чар? А если так, то каким образом они умудрились воздействовать на глубоко нейтральное вещество? Или... конечно, логичнее предположить, что стекло – вовсе не стекло, но минерал, тот же кварц...

Темный и плотный.

Или же... алмаз? Фантазийный алмаз с высокой степенью сродства к энергетическим потоком. Но алмазы в принципе удобны в работе именно в силу этой самой высокой степени сродства. Конечно, получается, что исходный камень для подобной линзы должен быть огромным. Но если предположить, что камень искусственного происхождения...

...тип решетки один, и еще во времена моей учебы среди наших ходили упорные слухи, что в Гарваальде давно уже усовершенствовали печи Крейца. Неужели, правда? Печи я видела, и даже сама проводила первичный синтез, отслеживая стабильность потоков, правда, получить удалось только алмазную пыль, а энергии на это ушло... но это ведь учебная печь, пусть и вполне себе рабочая.

Можно предположить, что где-то есть и другие, более совершенные.

Способные создавать алмазы, в том числе и розовые...

...как они это делают?

Для синих достаточно добавить алюминий, коричневые требуют железа, а зеленые – хрома... вот только истинно розовые, сколь помню лекции профессора Лённрота отличаются лишь внутренней структурой. А потому получить искусственно их...

Невозможно.

Или не невозможно?

Я посмотрела на рыжего с немалым интересом.

Вот если бы...

...нет, красть что-либо у человека, состоящего на службе, нехорошо. Более того, неразумно, а я уже достаточно совершила неразумных поступков, чтобы стать осмотрительной. Если я попрошу... всего-навсего попрошу...

Сала Терес что-то выговаривал.

Мар не оправдывался – он ненавидел оправдываться, и поэтому априори не признавал себя виноватым – но держался нарочито отстраненно, всем видом своим показывая, что к сала и людям его, и ко всему происходящему отношения не имеет. А вот рыжий наблюдал за этой парой слегка склонив голову. Интересно, что еще у него в карманах прячется...

– Вон! – рявкнул сала Терес, и замок заворчал, задрожал, отзываясь на гнев хозяина. Стало быть, и вправду старика допекли. – Чтоб ноги твоей на моей земле не было!

– Полагаю, – рыжий счел возможным вмешаться, – нам всем стоит просто поговорить.

– Поговорить? – в голосе сала Терес слышался грохот камней. – Когда вы унизили мою гостью? Меня, как хозяина? Когда перерыли все здесь, будто я в чем-то виновен, когда...

Рыжий поднял руки и белое пламя окутало его ладони.

– Прошу прощения, – сказал он тихо, – это дело получилось несколько более... беспокойным, нежели я предполагал. Эйт Ильдис немедленно покинет ваш дом...

– Но... – Мар не был согласен с подобной постановкой вопроса.

– Подождет. А мы побеседуем с эйтой Эгле... и возможно, достигнем компромисса.

* * *

Мар убрался.

Молча.

Он был зол, и я кожей ощущала его готовность вспыхнуть.

Удержался. Но я не сомневалась: он запомнит и не простит. Пугало ли это меня? Нисколько. Я привыкла к этому месту, к камню и холоду, к морю и скалам, к ощущению покоя и безопасности. Я... пожалуй, я могла бы назвать Ольс домом. И в тот момент действительно была готова остаться здесь до конца дней своих.

– Эйта...

– Нейта, – поправила я рыжего.

– Согласно Уложению о браке вы приняли титул супруга, – пояснил рыжий, а я подумала, что столько времени прошло, но он так и не соизволил представиться. Быть может, сала Терес и знал его имя, точнее наверняка он знал.

Как и другие.

Я же...

К чему тратить внимание на женщину?

– Надеюсь, суд в скором времени исправит это... недоразумение, – у меня хватило сил смотреть в глаза. Светлые. Прозрачные... а если действительно заказать партию искусственных алмазов? Не фэнтезийных, но самых обыкновенных. Использовать их вместо природных кристаллов. Камни брать мелкие, на четверть карата. В таком размере дефекты решетки маловероятны, следовательно, настроить потоки будет куда как легче...

Сала Терес держался за моей спиной этаким молчаливым гарантом безопасности. Сомневаюсь, что он не доверял рыжему, все же королевские псы были известны своей репутацией. Безжалостны. Напрочь лишены сочувствия. Однако при всем том болезненно справедливы. А я... я не делала ничего дурного.

Я просто пыталась жить.

Как умела.

Нам подали чай.

Северная гостиная. Окна здесь – пластинки цветного стекла в свинцовой оправе, правда, поверх свинца нанесен тончайший рунный узор, что позволяет выдержать им таранные удары ветра. Из местных окон не тянет. А еще они не покрываются льдом и сохраняют удивительную для стекла прозрачность. Если приглядеться, можно увидеть, как по ту сторону вытянулось розоватое небо, в котором уже проступили первые крупные звезды.

– Думаю, – рыжий первым заговорил. Он взял на ладонь чашку чая, но благоразумно не стал пробовать. И правильно. Местные весьма неплохо разбирались в травах. – Вся эта ситуация изрядно вас утомила.

Я наклонила голову, демонстрируя всяческую готовность слушать.

Утомила.

Верно подмечено.

В гостиной сумрачно. И пусть горят свечи – на Ольсе не используют силу там, где можно обойтись без нее – но совокупного света их недостаточно, чтобы отпугнуть приближающуюся тьму. А еще я остро ощущала близость бури.

– И что вы можете предложить? – чай слегка горчил.

И не совсем, чтобы чай. Гедре совершенно искренне не понимала, к чему тратить золото на какую-то траву, когда на Ольсе собственных трав изрядно.

Зверобой.

Мята или Melissa? Или и то, и другое? Кажется, черничные веточки и ягоды шиповника. Толика медового аромата, стало быть, без таволги не обошлось.

– Перемирие... вы показались мне разумным человеком.

Вот как-то не нравится мне подобное начало. Я коснулась полированного подлокотника, на котором проступили белесые пятна морской соли.

Ее здесь и вправду хватает. Иногда эта вездесущность изрядно портит жизнь, но сейчас я вынуждена была признать, что в соли есть своя польза. И немалая.

– Я разумный человек, – согласилась я, хотя и не сразу. – И потому я прекрасно осознаю, что меня ждет, если я поддамся.

– И что же?

– Положение откупной жены. Слишком полезной, чтобы избавиться от нее, и слишком... не такой, чтобы отнестись всерьез. Да, он даст мне дом, определит нормальное содержание. Даже, полагаю, будет закрывать глаза на любовников, если таковые появятся.

Приподнятая бровь.

А удивление у него получается отвратительно. Все-таки, как его зовут-то? И не будет ли с моей стороны вольностью спросить... хотя... мы тут о любовниках говорим, так что, думаю, именем поинтересоваться можно.

– Мне даже позволят родить ребенка, чтобы не чувствовала себя ущербной. Но и он, и я... мы всегда будем напоминанием о великой жертве, на которую пришлось пойти ради семейного дела. Нас никогда не признают равными...

– Это вас беспокоит?

Я пожала плечами.

– Не слишком.

– Тогда в чем причина вашего... упрямства?

– Быть может, в том, что я хочу, чтобы ко мне относились с уважением? Любви... любви уже не надо, спасибо, наелась, но хотя бы уважения я заслуживаю?

Молчит.

И я молчу, разглядываю чашку. Не фарфор, хотя и он найдется. В замке Ольс спрятаны немалые сокровища. С другой стороны обожженная глина – тоже неплохо. Тепла и уютна, а что еще нужно осенним вечером?

– Для него и его семьи я – всего-навсего средство. Инструмент. Капризный, как оказалось...

– Вы... понимаете, что государство в принципе не способно гарантировать счастливую семейную жизнь?

А разве я требовала у государства гарантий?

– Но оно, – я решительно посмотрела в светлые глаза, – может предоставить свободу...

– Далеко не всегда.

Молчание.

Вязкое, как овсянка, к которой и я притерпелась, а вот сала Терес каждое утро ворчит, что большей дряни он не пробовал, только все равно ест, потому что иначе Гедре обидится.

– Будем откровенны, – рыжий к чаю так и не притронулся. – Даже если вы подадите прошение в канцелярию короля... лично Его Величеству, вам откажут.

– Из-за патентов?

– В том числе. Судебный спор весьма осложнит жизнь и не только вашему мужу.

– А если... я подпишу отказ от претензий?

Рыжий развел руками. То есть, этого недостаточно?

– Видите ли... дело не в патентах, но в технологии, которая позволит королевству во многом упрочить свое положение в мире. В настоящий момент политическая ситуация такова...

...что развода мне не видать.

– ...и мы не можем допустить, чтобы часть технологий попала, скажем, в империю... или еще куда.

...где ей быть не положено. То есть, за границу меня точно не выпустят. Впрочем, что это меняет? Я уже поняла, что там легче не станет.

С другой стороны...

Я закусила губу.

Вздохнула.

– Мы... могли бы заключить соглашение... о работе...

Рыжий покачал головой.

– Боюсь... не поймите меня неправильно. Мы, безусловно, заинтересованы в новых специалистах...

...но не настолько, чтобы из-за них вступать в свару с благородным семейством.

– ...и мы признаем, что ваши наработки стали хорошей основой...

Что? Наработки?

Основой?

Да я... с другой стороны, кто бы поверил, что женщина способна думать. Это же нелепо... пора бы привыкнуть, да. Женщины, они не способны ничего сами создать, а вот наработки, которые вдохновят мужчину, так уж и быть.

– ...однако Его Величество не может позволить себе... встревать в дела семейные. Конфликт с Ильдисами весьма обострит отношения в свете. Вы сейчас плохо себе представляете, что такое старые семьи, – а вот здесь рыжий несколько сфальшивил. И словно, сам эту фальшь ощущая, заерзал. – Это не только и не столько сила, сколько связи. Они грызутся друг с другом за крупницы власти и влияния, но стоит тронуть кого-то одного... во всяком случае, тронуть без веской на то причины...

А я веской причиной не являюсь.

– Более того, в настоящее время король весьма благоволит к молодому Ильдису. Ему удалось почти невозможное, а это талант... талант, который должен служить на благо королевства.

И взгляд такой, печальный, тоскливый даже.

Ему, наверное, подвигов хочется, а не уговаривать одну упрямую девицу вернуться к ее не менее упрямому мужу. В этом подвига нет, одно занудство. Но к совести моей взывать бессмысленно... хотя я бы все еще не отказалась от возможности поближе разглядеть волшебную лупу.

Чем больше думаю, тем меньше сомневаюсь, что в ней алмаз.

...стало быть, слухи не преувеличены.

– Сейчас Ильдис занят реорганизацией Сейманских верфей...

...контрольный пакет акций на которые принадлежит лично Его Величеству, а остальное считается государственной собственностью.

– Высока вероятность, что именно его семье... точнее промышленному объединению под руководством эйта Ильдиса, будет доверено строительство новых портов. А это, если вы не понимаете...

Куда уж мне, убогой.

Деньги и власть.

Власть и деньги.

И еще, конечно, амбициозный план объединить все треклятые острова в одной транспортной системе. А если добавить заложенный на верфях огромный цепелин, способный пересечь Кирнейский пролив...

...в общем, ясно, государству сейчас разводы не нужны.

– Поэтому милая эйта, прошу, проявите благоразумие... – рыжий поднялся. – И помиритесь с мужем. Поверьте, он не самый плохой человек...

Вот только мне этого было недостаточно.

Глава 10

– В каком смысле она отказалась от встречи? – Ильдис держал в ладони бокал с коньяком. Бокал был огромным, а вот коньяка в нем плескалось на доньшке, и благородный эйт наклонял бокал то влево, то вправо, позволяя напитку добраться до края.

Будто забавлялся.

Ерунда какая. С коньяком не забавляться надо, а пить. Лучше, конечно, не коньяк. Кирис пробовал. Дрянь редкостная и воняет еще, лучше уж местная травяная настойка. Градус тот же, вкус приятней, а по мозгам бьет не хуже. Только пьют ее из махоньких стопок и залпом, занюхивая горечь хлебной коркой.

А не по бокалам размазывают.

– Просто отказалась, – Кирис потер шею.

Чешется.

Они на этом островке неделю проторчали. И плотная ткань пиджака пропиталась солью, а потому каждое прикосновение ее к шее было... вот будто наждаком протянули. Еще и щипало. А отдать в чистку – никак, потому как служба безопасности короля должна выглядеть представительно.

Службе безопасности в одних рубашках ходить неприлично.

Кирис, небось, не эйт благородный, чтобы сразу три костюма с собой возить. Правда, у Ильдиса костюмов больше, чем три, вон, за неделю ни разу не повторился. И нынешний из тонкого сукна цвета какого-то непонятного, то ли молочного, то ли даже серого с искрой, сидел преотменно.

– И ты ей позволил? – пальцы сдавили стекло.

И показалось, хрустнет.

– Сала Терес...

– Я не понимаю, какое отношение сала Терес имеет к моей семье, – бокал отправился на прикроватный столик, к бутылке. – И почему я вообще должен слушать, что говорит этот старый маразматик...

...Кирис пожал плечами.

Слушать не обязательно, но что до остального, то закон есть закон, и на своей земле Терес может делать, что ему вздумается. Почти.

– Давно пора отказаться от этих нелепых пережитков прошлого, – Мар поднялся. – Ты цветы ей передал?

– Конечно.

...правда, не совсем эйте Ильдис. Букет, как и предыдущие, принял сала Терес, отправив сразу в окно. А ведь стоил букет немало... небось, здесь зеркальных лилий не купить. С собою вез.

Тратился.

А их просто вот в окно...

– Выкинула?

– Да.

Это было почти правдой, а еще камешек, который Кирис повесил на шею, – как-то оно надежней, что ли – едва заметно потеплел. Может, от тела нагрелся, а может от этого будто бы рассеянного взгляда.

– Ты передал, что я хочу оговорить условия развода?

– Да.

Не совсем, но... камень нагрелся сильнее, и врать стало куда как проще.

– И?

– Сказала, что это можно сделать с ее поверенным. Она согласна на любые, – последнее было выдумкой, ничего эдакого девица не говорила, она в последние встречи вовсе была молчалива, странно задумчива, а если и поглядывала на Кириса, то с совершенно непонятным интересом.

То есть, он бы выяснил, но...

...после того разговора ему велели не приближаться. И главное, попросили так, тихо, вежливо, спокойно, что Кирис впечатлился. Нет, не испугался. Просто понял, что и вправду... не стоит. В конце концов, приказа устраивать чью-то личную жизнь у него не было.

– Умная стала... – Ильдис опустил в кресло и прикрыл глаза. – А ведь пара дней... и я изменил бы нашу жизнь.

– Ага, – Кирис все-таки почесался.

– Что ж... не вижу смысла и дальше оставаться в этой дыре.

И вовсе не такая уж дыра. Между прочим, тут почти двадцать тысяч человек населения, и пара фабрик имеется, правда, не из тех, о которых стоит говорить вслух, потому что даже Кирис не знал, что именно там производят.

Не важно.

Главное, хорошее место. И недорогое. Почти.

...за гостиницу заплатил эйт Ильдис, а Кирис отказываться не стал, потому как выданных ему денег на эдакую роскошь – в номере целых три комнаты и собственная ванная имелась с горячей водой – не хватило бы. А на ресторан тем более.

– Мне жаль, – вполне искренне произнес Кирис, засовывая руку за шиворот. – Действительно жаль... женщины порой странные.

– Твоя правда, – Ильдис широко улыбнулся. – Безусловно прав, друг мой... а потому мужчинам стоит держаться вместе. Надеюсь, друг мой...

...наверное, Кирис должен был чувствовать себя польщенным. Но шея противно чесалась, да и... камешек никуда не делся. Прилип к коже и жегся, жегся...

– ...ты не откажешь, если вдруг мне... или моим знакомым... у меня много полезных знакомых, которые способны поспособствовать карьере хорошего человека... так вот, если нам вдруг понадобится частная консультация знающего человека, – голос Мара стал низким, вкрадчивым. – Естественно, за достойное вознаграждение...

– Я...

...он все же поскреб грудь, а заодно отметил, что ему все-таки льстит. То есть, ощущение было странным, с одной стороны его просто-таки распирало от гордости и желания доказать, что он будет полезен такому замечательному человеку, как эйт Ильдис, а с другой... он прекрасно осознавал, насколько нелепо это чувство.

– Само собой, – Ильдис мягко улыбнулся. – Если твоя клятва позволит... а она позволит. Поверь. Я умею ценить достойных людей.

Несмотря на боль, сделавшуюся почти невыносимой – этак в нем и дыру прожгут, но надо будет попросить у сала еще пару камней, на всякий случай, чувствуется, с Ильдисом ему так просто не расстаться – Кирис нашел в себе силы улыбнуться. И очень надеялся, что выгорит в достаточной мере счастливым идиотом, чтобы ему поверили.

...ведь зачем-то его сюда отправили.

...и надо будет отписать сала, чтоб приглядывал за этой... пичугой... цветы цветами, но что-то подсказывало, что одними цветами фантазия эйта не ограничится. А стало быть...

...все далеко не так просто, как ему представлялось.

Руку Кирис все-таки пожал.

И весь вечер смеялся над чужими шутками. Благо, усилий прикладывать не пришлось, эйт Ильдис – просто Мар, какие формальности между друзьями – был удивительным собесед-

ником. Настолько удивительным, что Кирис даже близко не представлял, как это отразить в докладе.

* * *

Они убрались.

Не сразу, но убрались... говоря по правде, я до последнего не верила, что нас оставят в покое. Если Мар так нужен конунгу, то что стоит приказать мне вернуться.

– Не дрожи, девонька, – сала Терес был спокоен, как нынешнее море. – У твоей семьи тоже есть голос... и свой интерес. Силой тебя не заставят, а вот остальное... тут уж сама гляди.

Я и глядела.

И отправила обратно букет белоснежных ландышей. Букет до того очаровательный, что становилось не по себе от желания прикоснуться к нему. Пожалуй, именно это невероятное очарование, а еще поплывший взгляд служанки, что замерла, уставившись на цветы, заставили меня заподозрить неладное.

Рыжий притворился, будто не понимает, в чем дело.

Сала Терес обозвал Мара засранцем и следующий подарок самолично швырнул в пропасть, не распаковывая...

...были духи.

И ожерелье с крупными сапфирами, пожалуй, достойное эйты самых благородных кровей.

Мой набор инструментов.

...пропасть приняла все. Инструментов было немного жаль. Но я успокаивала себя, представляя, как бесится Мар, которому запретили покидать цеппелин. Что сделаешь, на своей земле сала Терес вправе отказывать нежеланным гостям. В общем, они все-таки убрались перед самым Изломом. И замок вздохнул с немалым облегчением, а сала Терес, закрутив седой ус, произнес:

– Не думай, девонька, что они отцепились. Такие засранцы просто не уходят.

– И что теперь?

– А ничего... поставят своих людей на «Большое крыло», возьмут за жабры перекупщиков...

– И...

Сала Терес фыркнул и произнес очевидное:

– Цены вырастут.

Излом прошел обыденно. Я вместе с Гедре и прочими женщинами замка, которых по старому обычаю собрали всех, даже годовалую правнучку стряпухи привели, месила тесто для зимнего пирога. Слушала песни, в которых понимала слово через два, а после, когда ночь переломилась пополам, выставив на голом небе луну, зажигала свечи от ярого костра.

Ела тот самый пирог, который ломали руками.

...единственное, что изменилось, так это моя лаборатория.

Замок Ольс укрыл ее от чужаков, о чем, подозреваю, рыжий догадывался, но, несмотря на все свое старание, совладать с древней силой у него не вышло.

Замок был недоволен.

И стены лаборатории потемнели. Камень стал плотнее, а потолок будто бы ниже. Стекла и те помутнели, будто норовя закрыться от того мира вовне, который был для меня опасен. Но не это главное. Я, в отличие от замка и его хозяина, понимала, что доказать мою причастность к незаконным... к условно незаконным – все же я добралась-таки до Уложений и нашла интересный пункт о необязательности постановки клейма создателем, имеющим право на клеймение, – артефактом можно не только через лабораторию.

При первичной активации остается отпечаток силы, который, конечно, развеивается через некоторое время, но... мало ли, какие еще лупы есть в запасе у королевской Службы безопасности? Подозреваю, будь у рыжего желание надавить на меня, он бы вспомнил об этой мелочи, но... То ли желания не было, то ли времени с последней поставки прошло изрядно, рыжий смолчал. А нового шанса давать я ему не собиралась.

На острове Ольс обитали разные люди.

Нашлись и отмеченные силой, которые за малую монету предоставили мне угол в мастерской, а еще собственные руки. Всего-то и надо, что взять заготовку и повернуть в ней ключ силы. Вот над ним пришлось поработать изрядно, потому как ничего подобного прежде мне не встречалось. То ли не вставало перед артефакторами аналогичных проблем, то ли решались они иначе, однако после нескольких месяцев мучений мне удалось создать более-менее стабильную вторичную структуру, которая после выполнения единственной своей задачи просто рассыпалась.

– Хитро, – оценил сала Терес, покрутивши узенький браслетик, который выглядел обыкновенным браслетом, по сути им и являлся, поскольку вычерченные на внутренней стороне контуры пока были лишь узорами. – Знаю я, кого тебе подрядить...

Так и появились в моей жизни почтенная вдова и трое ее сыновей, все – одаренные, хотя и дара их едва-едва хватало, чтобы разжечь свечу.

Или залягать.

– А у них...

У вдовы не было коронной бумаги, равно как и у сыновей ее. С другой стороны, чем меньше сила, тем короче жизнь остаточного следа, но все же...

– Не беспокойся, им есть куда податься...

Так и жили.

* * *

Вельма забралась на стул с ногами. Этой ее привычки Кирис никогда не понимал, вот разве ж удобно? Устроилась, что курица на насесте, и карандаш грызет. Взгляд задумчивый...

– Стало быть, по крови ничего?

– Ничего, – подтвердил Кирис. – И по остаточному следу тоже пусто.

...ловушки чистые.

И ему самому уже начинает казаться, что никакого такого воздействия и не было. Примерещилось. Просто... человек симпатичный. Ведь бывает же такое, что некоторые люди способны вызывать симпатию.

– Но Терес утверждает...

– Утверждает.

Вельма рассеянно кивнула.

– Ему можно верить.

– Знаешь?

– Мой наставник. Хороший человек...

С этим утверждением можно было бы и поспорить, но Кирис не стал. В последние дни Вельма была какой-то... не такой. Рассеянной. Мечтательной даже. И про отпуск свой забыла.

– Значит, старая кровь. Что? Эйты, они ведь не просто так эйты, – она все же отложила изрядно пожеванный карандаш, но лишь затем, чтобы взять другой. – Благословенные богиней, а божественное благословение, чтоб ты знал, просто так не проходит. У них много... талантов, о которых, сам понимаешь, не спешат распространяться.

Наверное, стоило бы сказать, что это все глупости и сказки, которые хорошо рассказывать у костра на берегу, когда и море замирает. А волны подбираются ближе и ближе, они ценят хороших рассказчиков.

...таких, как Миста.

Поэтому и забрали ее.

Надо же, столько лет не вспоминал, а тут вдруг выскочило. Память, она такая, только отпусти, мигом извернется змеей, вцепится в горло.

– Может, – Кирис подал руку. – Прогуляемся?

– Что? А... да... устал?

– Не знаю. Просто... странно это все. Думаешь, мне сделают предложение?

Визитная карточка Маруна Ильдиса, самого молодого в истории королевства члена Большого Королевского Совета, лежала в коробке для визиток, между клочком бумаги с запиской от старого зеленщика, приторговывавшего краденым, и скидочными купонами. Возможно, со временем в коробке – вот уж бесполезнейшая вещь, но подарок Вельмы, – появятся и другие карточки, но эта... каждый вечер Кирис зачем-то доставал белый прямоугольник, осторожно касался шелковистой бумаги, трогал уголки и испытывал преогромное желание заказать карточку и себе.

Хотя бы дюжину.

Вдруг да пригодятся? Потом идея начинала казаться нелепой, да и камень вяло нагревался, намекая, что не стоит увлекаться чужой жизнью. И отпускало.

До следующего вечера.

Наверное, стоило бы написать в докладе, Кирис даже пробовал, только... стоило перу коснуться бумаги, и он осознавал, насколько нелепой, мелочной будет казаться его жалоба. Этак и вправду параноиком прослыть можно.

Подумаешь, карточка...

...он ведь не собирается вновь с Ильдисом встречаться, если, конечно, не велят.

В парке гулял ветер.

И дождь шел. От дождя укрылись и разносчики мороженого, и продавцы сладкой ваты, и даже махонький магазинчик, где продавали сахарных петушков на палочке, пряники и карамельные трости, был закрыт. Мокли облетевшие березы. И клен лишился пурпура. Листва его легла на дорожку, чтобы смешаться с грязью.

Вельма поежилась.

Но от куртки отказалась:

– Не надо. Извини... в последнее время все идет как-то... не так.

– Нужна помощь?

– Какая?

– Любая.

– А... – она впервые за последние дни улыбнулась. – Смотри, вдруг да попрошу Корна убить...

Кирис хмыкнул.

Непростая задача, если подумать. Но невыполнимых не существует.

– Сейчас не выйдет. Здесь он настороже, но вот через пару недель, слышал, в отпуск собирается. А люди перед отпуском становятся рассеянными. И лучше на море... там легче тело спрятать. И есть у меня хороший знакомый, который к имперцам доставит, если вдруг что...

Вельма рассмеялась.

Легко, почти как раньше.

– Я и забыла, какой ты... бываешь.

– Какой?

– Серьезный.

– Это плохо? Иди под зонт, промокнешь и заболеешь.

– Кто бы говорил, – Вельма показала язык. – Лучше расскажи...

– О чем?

– Обо всем... как Терес поживает? Я думала, он погиб, но если нет... наверное, так лучше для многих. Он... выполнял особые заказы, понимаешь? И устал. Люди, я слышала, устают убивать. Но отпустить его не могли, вот и пришлось... искать выход. Знаешь, я вот думаю... мне ведь тоже не уйти. И тебе. Никому. Я когда шла на службу, хотела просто нормальной жизни. Быть одаренной сиротой лучше, чем просто сиротой, но и так... кем бы я стала? Актрисой? Мне предлагали за... не важно.

Кирис сложил зонт.

Сам он дождя не боялся, да и было пока тепло, куда как теплее, чем на том берегу, где осталась догнывать лодка. Если еще не догнала.

– Говорили, что без покровительства я все равно ничего не добьюсь. Я послала всех... и посылала раз за разом. Думаешь, я не знаю, что про меня говорят?

– Кому нос сломать?

– И ты туда же, – Вельма топнула ногой по луже, будто желая стереть собственное отражение. – Это ничего не изменит. Всем рты не закроешь... а он придумал глупость. Жениться... кто он, и кто я? Какие же вы, мужики...

Кирис благодушно промолчал.

– Вот скажи, какая из меня благородная эйта? Да, дар есть, но того дара две капли. И пока его тянет, конечно... вас всех тянет к необычному. Но пройдет время, и он поймет, что совершил ошибку. Станет злиться. На меня злиться...

Дождь усилился.

И Кирис раскрыл зонт. Пусть Вельма и дальше предается самокопаниям, он же постарается, чтобы, копаясь, она не промокла до нитки.

Ветер улегся.

И стало тихо-тихо. Эта тишина требовала что-то сказать, но что? Кирис совершенно ничего не понимал в делах сердечных. То есть, у него была подружка, с которой он время от времени встречался, но там все было просто.

Он покупал духи и чулки.

Иногда давал денег. Она не требовала большего. И вполне возможно, что друзей у нее было несколько, но Кириса это совершенно не трогало.

– Может, – он все-таки заговорил, зная наверняка, что скажет не то и не так. С женщинами вообще сложно. – Не надо думать за него? Пусть он сам. А ты за себя.

– Бестолочь, – ласково произнесла Вельма.

Какая уж есть. Зато... дурью не мается.

– Поможешь мне платью выбрать? – тот далекий, казавшийся забытым, берег не выходил из головы. А еще одно обещание, данное много лет тому. И глупое ведь. Детские не бывают другими. Кирис про него тоже забыл, как и о многом другом. Точнее многое другое он старательно вымарывал из памяти, а уж берег пришелся заодно.

Но раз вспомнилось, то...

– Какое?

– Розовое. С кружавчиками... на девочку лет одиннадцати. Но она худенькой была...

К счастью, Вельма не стала задавать вопросов. Но и одного не оставила.

– Осенью, – сказала она, складывая розовое, все в кружевах и оборках, платью, к которому прилагались еще перчатки, туфельки и шляпка с лентами, в коробку. – Не стоит ходить к морю в одиночестве.

И потом, уже вечером, они долго сидели на берегу, глядя, как волны примеряются к подарку. Может, не лгала старуха Тойге, которую полагали сумасшедшей, и те, кого море забрало, на самом деле не умирают. Они живут там, в глубине, и порой возвращаются.

Например, когда кто-то держит слово.

– А по поводу Ильдиса не обольщайся, – Вельма смотрела, как волна потянула-таки коробку, осторожно, будто не способная поверить, что это ей подарок. – Он еще появится. Попросит о помощи. Какая-нибудь мелочь, может, даже ерунда сушая.

– И что мне...

– Естественно помочь. Друзья ведь должны помогать друг другу?

Море расступилось.

И проглотило коробку. А еще почудилось, будто кто-то засмеялся... так близко... рядом... руку протяни. Кто-то знакомый, почти родной.

Только немножечко мертвый.

Глава 11

Просьба и вправду была мелкой.

Всего-то проверить некоего господина, урожденного имперца, желавшего устроиться под крылом рода древнего и сильного, само собой, не без выгоды для оною рода.

Господин называл себя магом.

Обещал секреты и перспективы, но...

...на деле оказался обыкновенным полукровкой, не особо чистым на руку.

Многоженец.

И мошенник.

Слабого дара его хватило, чтобы воздействовать на людей простых, внушая им доверие и симпатию к человеку в общем-то ничтожному, но на большее...

...в благодарность Кирис получил полторы сотни крон и пару запонок, которые честно отнес к артефакторам, хотя, видят боги, запонки были диво до чего хороши.

Артефакторы ничего не нашли.

И запонки отправились в заветную коробку, к визитке.

...еще одна просьба.

Мелочь.

И вторая... третья, четвертая... не то, чтобы его беспокоили слишком часто, скорее уж не позволяли забыть о существовании эйта Ильдиса, но само это...

Нервировало.

– Все равно не понимаю. У него же своя служба есть. Неужели ему охота на эту ерунду тратиться?

– Охота, – Вельма вновь притворялась собою, прежней.

Она сидела на столе и таскала карандаши, переставляла те малые вещи, которые у Кириса были, зная, что эта перестановка будет его злить. И нарочно же делала.

– Он тебя приручает.

– Я не хочу приручаться.

– А надо, – она наклонилась и дернула за прядку. – Придется... потому что больше он никого и близко не подпустит. Только... ты аккуратней, ладно? У таких ублюдков чутье... и если что не понравится, он живо... исправит.

Вельма вздохнула.

А Кирис вытащил из коробки сигару – очередной бесполезный подарок. Не курит он. Ни трубку, ни сигарет, ни вот эти... дуры.

Тем более, поди-ка пойми, чего туда напихали. Нет, свои-то утверждали, что помимо табака, причем качества преотменнейшего, в сигарах нет, но... что-то мешало поверить.

– Скоро пригласит тебя... скажем, в ресторан. Постарается разговорить, – Вельма сигару отобрала. – Не сунь в рот всякую пакость. Или забыл?

– Не забыл, – щеки вспыхнули.

Нет, она никому не рассказала, но... и сама не забыла.

Вредная.

– А ты постарайся разговориться. Скажем, что Корн за сестрицу свою переживает... велел копать, только лично ты в этом смысла не видишь...

Допустим, тут она была совершенно права. Смысла особого в разработке Ильдиса Кирис действительно не видел. Вот... обычный же человек. Может, не идеальный, так идеальные, они в благословенных садах Эйры Светлоокой обретаются.

– Вот именно, – Вельма кивнула. – Так и держись... искренне. Не пытайся его обмануть. Ложь этот ублюдок чувствует...

Кирис пожал плечами.

Врать он... говоря по правде, так и не научился. А правда... правды не жаль.

– Бестолочь, – Вельма щелкнула его по носу.

...он поморщился.

И карандаш отнял.

...его и вправду пригласили. Дорогой ресторан. Частный кабинет. Хрусталь. Серебро. И кольца для салфеток. Устрицы.

Вино, оказавшееся редкостной кислятиной. Тихий голос Мара... разговор ни о чем, вот только в этом разговоре нет-нет, да проскальзывали вопросы, до которых обыкновенному эйту дела не было...

...не должно было быть.

Кирис отвечал.

На то, что мог...

...это был хороший вечер. Один из многих.

* * *

...ты же сам понимаешь, что других вариантов просто-напросто нет, – голос Вельмы доносился из приоткрытых дверей. – Мужчину она просто-напросто не подпустит. А если и подпустит, то не факт, что доверится... понадобится время, которого у нас нет.

Кирис не собирался подслушивать.

Его позвали. А если позволили стать свидетелем разговора...

– Кого еще? У Нервы не хватит опыта. Кейга... привыкла работать с мужчинами, женщину она скорее всего оттолкнет. Илим и Савва... работают с другими проектами. И срывать их нельзя, – она говорила мягко и тихо. – Кирис присмотрит...

– Он мальчишка.

– Моложе тебя, но совсем не мальчишка.

Наверное, стоило бы обидеться, но за эти пару лет Кирис научился управляться с обидами. Он присел на кресло, поставленное для посетителей, а потому на редкость неудобное, и тронул запонку.

Ту самую, из белого золота.

Мару нравилось видеть свои подарки.

...на сей раз он прислал часы. И очередную нелепую просьбу, которую Кирис исполнит, хотя смысла в этом не будет. Вряд ли собственная служба безопасности эйта не способна проверить одну мелкую фирму, предлагавшую пеньку по сильно заниженным ценам...

А за дверью тишина.

Молчание длится и длится, и становится почти неудобным. Как тот галстук-удавка, расшитый золотом... с рабочими костюмами он смотрелся удручающе нелепо, но приходилось надевать. Наивным мальчишкам должны нравиться яркие вещи.

И массивные часы, поселившиеся в левом кармане.

– Вот поэтому у нас ничего не получится, – устало произнесла Вельма. – Ты хочешь защитить меня от всего мира... но я не твоя сестра, меня не устроит личная башня. Даже личный остров. Я... привыкла к свободе.

Женщины...

– Вельма...

...она не хотела невозможного, его неумная напарница. Всего-то попасть в маленькую частную фирму, получившую, правда, право на постановку королевского клейма.

...их Кирис тоже проверял, еще в прошлом году, правда, редкий случай, не нашел ничего предосудительного. Стало быть, контракт на поверку все-таки подписали.

– Они на хорошем счету. Не раз работали на корону, всегда успешно, но контракт с конторой Ильдиса – крупнейший на их памяти, – Корн расхаживал по кабинету, старательно избегая смотреть на Вельму, которая сосредоточенно разглядывала собственные ногти.

Кирис чувствовал себя лишним.

– В принципе, упрекнуть их не в чем... но есть подозрение, что с этим контрактом все не так просто. Наш объект, – он кинул папку, которую Кирис поймал. – Нейта Регис. Двадцать семь лет. Одаренная. Ведущий специалист. Репутация безупречная, но... если на кого Ильдис и воздействовал бы, то на нее. Технически, она вряд ли бы решилась на прямой подлог. И точно не рискнула бы ставить клеймо на металл низкого качества, но... всегда есть варианты.

Девушка на снимке была невзрачной.

Бледненькой.

С остреньким носиком и невыразительным лицом, на котором выделялись лишь резкие, чересчур резкие скулы. Она заплетала волосы в косу. И смотрела исподлобья.

– В последние месяцы кое-что в ее поведении изменилось. Вельма попытается установить с ней контакт. А ты... – Кирис удостоился хмурого взгляда. – Присмотришь. Сыграешь поклонника...

– А...

– Марун не настолько глуп. Он знает, что обо всех ваших встречах ты докладываешь.

– Тогда в чем смысл?

Иногда Кирису начинало казаться, что вся его работа – это несерьезно, это просто часть какой-то безумной игры, правила которой ему незнакомы и непонятны.

Корн вздохнул. А Вельма ответила:

– В том, чтобы расположить тебя к себе. Он знает, что наблюдать будут в любом случае, так пусть это делает человек, настроенный дружелюбно...

Запонка хрустнула в пальцах.

Проклятье.

– Успокойся, – Корн потер глаза. – Просто... логично, если ты обратишь внимание на фирму, с управляющим которой твой подопечный обедает дважды в месяц. И логично, если при этом зацепишься за... симпатичную девушку.

Голос все-таки дрогнул.

– Заодно проверь, как Ильдис отреагирует на твой интерес.

– Он как-то со мной не очень делится.

Корн будто не услышал.

– Регис твоего возраста. Репутация у нее отличная. Дар, опять же... нейту с даром не так просто отыскать подходящую жену. Поэтому твой интерес будет вполне понятен, а если уж не поленишься рот открыть...

– Врать он не умеет, – встряла Вельма.

– Плохо, – Корн все еще не смотрел на нее, и за это захотелось дать в морду. И плевать, что начальник. Эйт. И вообще... с женщинами так нельзя.

Они же слабые.

Даже когда сильные.

* * *

Замок.

Берег. Мастерская. Ящик, куда скидывались, что заготовки, что мешочки с резными бусинами. Запах моря и крепкого самогона, который здесь настаивали на травах, но странное дело, менее вонючим он от этого не становился.

...Ольс.

И лаборатория.

Первый прототип, на который у меня ушло три года и почти весь заработок, хотя стараниями сала Терес получала я немало. Но... алюминий.

Лунное железо.

Алмазы.

Кисти и новый инструмент – одно время я подумывала даже, реально ли извлечь из пропасти подаренный Маром. Вытяжки и травы. Справочники, которые доставлялись морем, поскольку, как и предсказывал сала Терес, воздушный путь нам перекрыли, но это сказалось лишь на ценах...

...лодки на Ольсе были у всех.

Но речь не о том.

– Думаешь, оно на что-то сойдется? – поинтересовался сала Терес, скептически разглядывая мое создание. Выглядело оно на редкость уродливо, передвигалось рывками, ко всему то и дело замирало, не способное понять, что делать дальше. – Не тратилась бы ты, девонька, попусту...

...исправить первоначальные недочеты – это еще год.

И пара инспекций, которые самим инспекторам, несомненно, казались неожиданными, но...

...то, что Ольс не был привязан к большим островам, не означало, что мы вовсе не знали о происходящем вонне.

Письмо, где меня уведомляли об изменении статуса. Нет, развода я не получила, но вот моя бездетность дала Мару право взять вторую жену – древние привилегии эйтов – а после и сделать ее первой. С тайры хватит и почетного звания младшей.

Пускай.

Письмо я сложила в папку, куда отправлялись прочие постановления, уведомления, выписки и все то, отчего я старалась держаться подальше.

Второе мое создание оказалось куда более шустрим, нежели первое.

– Гм... – сала Терес все еще был настроен скептически. – А может, лучше собачкой там или котиком? Запихнем в шкурку...

– Чью? – я наблюдала, как голем, добравшись до края ковра, остановился. Сенсорные щупальца его подрагивали, пытаюсь оценить новый тип поверхности, а на передней паре ног то появлялись, то исчезали шипы. Все же стоит уменьшить размеры... металлический паук, размером с крупного пса людей почему-то нервирует.

Да и энергии жрет немеряно.

– Ну так... котика или собачки. Что? Дамочкам понравится. Помнится, дед мой сказывал, что одно время мода пошла на чучелка. То ли королева своего дохлого кошака повадилась повсюду таскать, то ли эйта из знатных, главное, что прочие подхватили. Он тогда изрядно состояние подправил. А эта цацка...

...еще два года.

И десяток инспекций. Пара писем от мужа, в которых мне вежливо намекали, что хватит уже быть такой сволочью и вообще, если я желаю хоть какого-нибудь семейного счастья, то стоит проявить благоразумие.

Несколько судебных заседаний.

Возросший спрос на амулеты, снижающие аппетит и защищающие от солнца. В моду вошли бледность и худоба...

...третий прототип.

Четвертый.

Партия алмазов, которую я вырастила сама, хотя изначально полагала эту затею безумной. Сала Терес только крякнул и уточнил:

– Еще сможешь?

Смогу.

Только мне нужны были не белые, а розовые камни. Чистые. С деформированной решеткой, которая – исключительно в теории позволила бы мне снизить потери энергии при передаче...

...сала Терес уверял, что купить розовые алмазы непросто, но...

...у того, рыжего, камень ведь был. И значит, они существуют.

Теоретически.

А если так, то у меня есть шанс...

* * *

...он опоздал.

Он понял, что опоздал, еще там, на углу, когда пухленькая нейта Дургилис, работавшая в конторе стенографисткой, вздохнула сочувствующе.

Нейта имела мягкое сердце.

И Кириса с его любовью – хороший ведь парень, вот во времена ее, нейты Дургилис, молодости, такими не разбрасывались – жалела.

– Так... ушли они, – сказала она, прижимая ридикюль к пышной груди. Грудь украшала брошь из вяленых цветов. – Еще когда... плохо ей стало. Кровь носом пошла, вот и отпустил.

Кирис стиснул чахлый букет.

Кровь?

Кровь – это плохо. Его подопечная и так выглядела преотвратно, а еще и кровь... но почему Вельма не связалась? Возможности не было? Ладно, записку послать, но что мешало сломать булавку, одну из дюжины, которые всегда были при ней.

– Не переживайте, – нейта Дургилис погладила ридикюль. – Уверена, она образумится. Вот в мое время женщины не позволяли себе...

...он не дослушал.

Предчувствие беды, не отпускаящее Кириса с самого утра, накатило, оглушая, парализуя. И ему понадобилось несколько мгновений, чтобы избавиться от этого липкого всеобъемлющего страха.

Бросить цветы.

...нейта Дургилис, кажется, кричала что-то в спину, но...

Он не слышал.

Он бежал, уже понимая, что слишком поздно. Почему сегодня? Обычный день, как вчера или позавчера, как... он просто бежал, перепрыгивая через лужи. А когда не получилось, то лишь прибавил шагу. Холодная вода в ботинках.

Холод у сердца.

Шепот моря, которое всегда оставалось рядом, и теперь знало то же, что знал и Кирис: поздно. Но он все равно бежал. Зацепился, как мальчишка, за карету, продержался четверть квартала, чтобы соскочить в черную грязную лужу. Свист местного пацанья, кажется, был одобрителем.

Плевать.

Он нырнул в арку и перемахнул через низенький заборчик, походя смел сторожевые чары. Собственное пламя грозило вырваться, и пусть бы...

...он добрался до треклятого переулка.

И дом увидел издали.

Обыкновенный.

Вполне себе степенный особнячок с пухленькими колоннами, поставленными больше порядка ради, чем из нужды. Желтые стены. Подвесные корзины, в которых догнивали цветы.

Холод.

Страх.

...и пустота.

За тележкой зеленщика стоит незнакомый паренек, который больше занят беседой с парой молоденьких швей – здесь, неподалеку, находились мастерские. Окна соседнего дома задернуты плотными шторами... и отдышаться бы.

Некогда.

Кирис взбежал по ступеням, оставляя на светлом камне мокрые следы. Он толкнул дверь, уже не сомневаясь, что та будет не заперта, хотя нейта Ригис всегда проявляла похвальную осторожность.

...она лежала в холле.

Она еще дышала. И кровь пузырилась на губах. Крови было как-то слишком уж много.

Стены.

Пол.

И потолок... так не бывает, чтобы в одном человеке столько крови. Он сделал шаг. И еще один. Вытащил из кармана целительский амулет, понимая, что толку от него не будет, разве что агонию продлит.

– Кто? – он опустился возле тела.

...в темную-темную глянцевою лужу, которая окрасила прежде бесцветные волосы эйты алым. Он убрал прядь, прилипшую к ее лицу, и повторил вопрос:

– Кто...

– Он...он...о-а... – Ригис захрипела.

И кажется, захлебнулась. А в следующий момент входная дверь рухнула с оглушающим грохотом, и чей-то голос велел:

– Встал и поднял руки...

...булавку он все же успел разломить. За секунду до того, как полицейская дубинка опустилась на голову.

Глава 12

...больше пить не получалось, но Кирис пил.

Третий кабак.

Или четвертый.

Грязь. Вонь. Пьянь, которая, правда, чувствуя что-то не то, держалась в стороне. А он с удовольствием избил бы кого...

...кости ныли.

Переломы срослись еще до суда, почки восстановились, селезенку тоже спасти удалось. Он здоров. Технически. А что пьет и не пьянеет, так... бывает.

...проклятье магов.

– Это не самое лучшее место, – Ильдис мазнул пальцем по липкому столу, но все же присел. – И компания, если хочешь знать, отвратительная.

Кирис икнул.

Надо же...

...трех дней не прошло.

– Идем, – Ильдис подал руку.

– Я...

– Полагаю, самый известный в королевстве безработный маг, – он улыбнулся широко, радостно. – С которым ни один здравомыслящий человек не рискнет связаться...

Встать все же получилось, хотя и не сразу.

Сила не слушалась, то ли выпитое сказалось, то ли еще от блокираторов не отпустило. Главное, голова кружилась, кружилась... и треклятый камень жег плечо.

Хорошо.

Огонь – это благо... благо, огонь...

...правда сейчас та замечательная идея с засовыванием камня под кожу больше не казалась замечательной. Впрочем, не стоило обижать хорошего плохого человека. И Кирис сполз с табурета.

– Я думаю, мы поговорим, когда ты протрезвеешь, – Ильдис подставил плечо. – И поверь, все не так плохо, как тебе кажется...

* * *

...все еще более отвратительно.

– Когда ты в последний раз ел? – столовая залита светом, и в нем Мар почти растворяется. Этого света слишком много для больной головы. – Я понимаю, друг мой, что твое нынешнее положение таково, что...

Голос его звучит, кажется, отовсюду.

– Суд тебя оправдал, но многим это показалось... неправильным.

Перед Кирисом поставили высокую чашу с чем-то густым, тягучим и острым.

– ...кроме того, сколь знаю, начато внутреннее расследование... тебя хотят посадить. И посадят, будь уверен...

– Плевать.

Горько.

И кисло.

Живот урчит, потому что и вправду ел Кирис давно. Сам уже не помнит, когда. Но голода он не ощущает.

– ...если ты не заручишься поддержкой.

– Твоей?

– Почему бы и нет, – Мар ест аккуратно, он сдержан во всем, как и полагается эйту.

– А взамен?

– Мне нужны умные люди. И верные. Те, кто понимает, кому они обязаны своим положением...

...Кирис понимал.

Отлично понимал. И потому склонился над чашей. Поесть все же стоило. Он лишь надеялся, что сразу травить не станут. В конце концов, не для того его вытаскивали.

– ...все, что потребуется...

– Я уже принес клятву, – Кирис позволил себе перебить будущего... хозяина? Море в голове смеялось мертвыми голосами ушедших людей. Но с морем он как-нибудь справится. С собой – сложнее. – Вторая поверх не ляжет. Даже теперь.

...говорят, в прежние времена клеймо снимали вместе с кожей, правда, оно вырастало вновь, поэтому, собственно, резать и перестали.

Повезло.

– Поверь, – улыбка Мара была вполне дружелюбной. – Я прекрасно помню, что бывших псов не бывает, но... мы что-нибудь придумаем.

Клеймо над лопаткой зачесалось.

...а во рту появился характерный привкус крови.

* * *

...иногда на Ольсе появлялись гости. Большой частью люди мрачного вида, порой больные, изломанные, они были гостями сала Терес и исчезали где-то в глубинах замка, не принося беспокойства ни в мою жизнь, ни в существование острова. Порой я встречала их, но лишь затем, чтобы поприветствовать кивком. Порой они даже оставались, и на берегу появлялся очередной дом, а следом и лодка, которую меня приглашали расписывать.

И я делала вид, что так оно и должно.

...но бывало, что гости, прибывшие с очередным цеппелином, не радовали. Вот как сейчас.

– Посмотри на себя, – Мар поднес мне букет лобелий, которые я сунула Гедре. – Ты выглядишь устрашающе. Неужели не понимаешь, к чему ведет это упрямство?

К затыку в работе.

Если механически мой голем был почти совершенен, то вот остальное... нет, вероятно, я слишком многого хочу. Над созданием искусственного разума бьются лучшие умы королевства и не только, а я... на островке... вручную... с камнями, которые вырастила сама... пытаюсь вырастить, потому как обыкновенные, зеленые и голубые алмазы получались вполне себе приличных размеров, к превеликой радости салаа Терес, но вот розовые...

– Чего тебе надо? – я спрятала руки под фартук.

Судебное предписание, которым вооружился Мар, требовало уделить ему полчаса времени. А кто я, чтобы спорить с королевским судом?

– Чтобы ты вернулась. Не беспокойся, не так ты мне и нужна, благо, сами справились...

...о да, я читала хвалебные статьи о спуске «Властелина небес».

– ...у меня теперь лучшие инженеры.

– И ты меня отпустишь?

Мар за прошедшие годы стал будто бы ниже. Он все еще казался совершенством, правда, то ли время, которое и эйтов не щадит, то ли просто образ жизни коснулись и его. Светлый пиджак подчеркивал ширину плеч, но не скрывал округлого животика. Пальцы стали пухлее, а

второй подбородок, прежде лишь намечавшийся, обрел плотность и толщину. Впрочем, странным делом он Мару шел.

– Пока ты растрчивала свой талант в глуши на всякую ерунду, я вписал свое имя в историю.

– Поздравляю.

Я поскребла мизинец, на который вчера прилетела искра. И больно так впиалась. Гедре причитала, что совсем я себя не берегу и вообще...

...если увеличить мощность установки? Не в плане объемов, больше уже некуда, но именно насыщенность поля на последнем этапе, когда сердце камня уже сформировано? Конечно, опасно, поскольку и без того показатели критические, а остров сам по себе нестабилен, но...

Другие варианты я уже испробовала.

– Ты сама во всем виновата.

– Конечно.

...придется значительно укрепить стенки реактора. Еще та задача... как? Они и без того покрыты пластинами лунного серебра... а если... безумная идея, но у меня есть запас не только камней, но и алмазной пыли – все же собственно камни получились далеко не сразу. Создать камень вне реактора я не сумею, а вот изменить...

Взять те же пластины и покрыть слоем...

...и если получится, то не только пластины.

Сделать подвижный панцирь, вроде увеличенной копии кристаллической решетки, устойчивой к деформации. И тогда излишек энергии просто будет рассеиваться по всей площади. Если еще задать вектор рассеивания, направляя энергию внутрь...

– Ты меня вообще слушаешь? – поинтересовался Мар, глядя на меня с откровенной жалостью.

– Нет, – честно ответила я и уточнила. – Чего ты хочешь?

У меня, между прочим, цикл запущен.

...еще двести двадцать три часа как минимум. Вполне достаточно, чтобы набросать новый план. И поработать с алмазной крошкой. Если у меня не получится... а с первого раза никогда ничего не получается, но в любом случае, мысль довольно интересная.

– Через месяц состоится награждение, – Мар поморщился. – Надеюсь, хватит, чтобы привести тебя в порядок. Ты должна присутствовать.

– Кто сказал?

– Я говорю.

Я пожала плечами: мне, говоря по правде, было глубоко плевать на то, что происходит в жизни Мара. Награждение? Пускай себе. Порты он строил, цеппелины выпускал. Род вот прославил, а заодно заключил весьма выгодный союз с батюшкой Лаймы. Наследник опять же имелся, и к нему добавилась наследница.

Как в лучших домах королевства.

Снимки семьи, вполне себе гармоничной, как по мне, время от времени появлялись в газетах, большей частью, когда речь заходила об открытии нового воздушного порта... чувствовала ли я обиду?

Пожалуй, что да.

Еще немного – боль, которая мешала полностью отсечь прошлое. Почему-то особенно больно было смотреть на детей и... может, прав сала Терес? Мне стоит плюнуть на мужа и заняться собой? Найти мужчину, пусть не титулованного, пусть временного, но способного наделить меня ребенком.

Родить.

Окунуться в новые для меня ощущения, предоставив право разбираться в юридических коллизиях законникам...

– Нет, – я покачала головой. – Это твое награждение. Я к нему отношения не имею.

– Именно, – Мар спрятал руки за спину. Похоже, больше всего ему хотелось вцепиться мне в горло. – Но правила таковы, что должна быть представлена вся семья...

А я все еще являлась ее частью.

– Почему ты не даешь развод? – мне было просто интересно.

Срок уникальности патентов истек еще год тому, да и новые технологии, пусть и основанные на моих разработках, давно уже внедрились в производство. Про мои игры с големами он не знал, равно как и про алмазы – иначе явился бы не один – но вот поди ж ты... держал ненужную жену.

Мар вздохнул.

Потер гладкий подбородок и признался:

– Развод дурно отразится на моей репутации. Мне... скажем так, я могу стать самым молодым канцлером в истории королевства, но...

...его одежды должны быть белы, а образ едва ли не свят.

Я знаю правила высоких игр.

– Что ж... – я пожала плечами. – Желаю удачи...

– Ты... не собираешься помочь?

– Нет.

– Ты же понимаешь, что о тебе пойдут слухи... какие пойдут слухи...

Неудобные.

Скорее всего, меня и так полагают немного безумной, иначе почему пресветлый супруг столь упорно прячет меня от двора. А тут версия подтвердится, окончательно закрыв мне путь к самостоятельной жизни, ибо безумие делает развод априори невозможным.

Что ж...

Как-нибудь переживу. Еще годик или два, и точно найду кого-нибудь... для здоровья и ребенка, которому в замке Ольс будут рады. А пока мне было чем заняться.

Мар убрался.

Награждение состоялось.

А у меня к концу зимы вышло создать пластину из лунного серебра, покрытую сверхтонким слоем монолитного гибкого алмаза.

– Охренеть, – сказал сала Терес, повертев пластину, которая была размером с крону, в пальцах. – И на кой ляд оно нужно?

Вместо ответа я поднесла ему куртку, расшитую этими вот чешуйками, а после активировала огненную плеть. Выразился сала Терес куда как душевней, хотя и куртка, и стул, на который она была накинута, вполне себе уцелели.

...новый реактор – я внесла еще ряд изменений, благодаря которым давление внутри повышалось на треть, а температура стабилизировалась – стоил мне года жизни и немалых нервов. Впрочем, за этот год я успела многое.

И первые розовые камни, мутноватые, больше похожие на грязные стеклышки, почти не удивили.

– Детонька, – сала провел по седым усам ладонью. – Ты понимаешь, что если кто прознает, даже я не сумею тебя защитить.

Самый крупный камень ушел на подвеску.

Ограниченный квадратом, он больше не казался жалким, напротив...

– Пятьсот тысяч крон, – меланхолично заметил сала Терес, ткнув в камешек мизинцем. – А может, и того больше... еще сережки надобны. И браслетка. А то и вправду, как неродная, будто камней мало.

Он сделал их сам, и тончайшую цепочку из платины, которую я покрыла той же пленкой из поликристалла, и серьги, и браслет...

...я же занялась другим.

Розовые алмазы по свойствам своим принципиально отличались от иных своих цветных собратьев. Энергии они накапливали в десятки раз больше, обладали удивительной проводимостью, а еще камни одной партии не просто не требовали синхронизации.

Они усиливали друг друга.

И это свойство открывало невероятные перспективы.

* * *

...порт.

И вороватый управляющий, полагавший себя, если не владельцем, то всяко почти владельцем, да не только порта. Он подмял под себя остров, используя не столько силу, сколько имя.

Чужое.

Его было не жаль. И на несчастный случай Кирис закрыл глаза. В конце концов, он уже не работает на корону.

...верфи.

Обленившаяся в край служба безопасности. Воровство мелкое, воровство крупное... шпионы, правда, не имперские, но...

Разница невелика.

Как ни странно, новая работа мало отличалась от прошлой. Разве что платили не в пример лучше. Напиваться Кирис перестал.

Почти.

– Я в тебе не ошибся, друг мой, – Ильдис появлялся и исчезал, чтобы вновь появиться именно тогда, когда появления этого Кирис не ждал. Он не чурался пройтись по заводу, заглянуть в ангары, порой заговаривал с рабочими, расспрашивая о делах и делишках. Он искренне вникал.

Помогал.

Убирался.

И его обожали, наивно полагая, что Ильдису и вправду есть дело до простых людей.

– Ты отлично поработал, но появилась одна проблема...

...другой остров. Другой завод.

Или фабрика.

Новое предприятие, пополнившее список имущества, и те же проблемы: воровство и безалаберность, а еще нежелание жить по новым правилам. Кириса пытались убить, но всякий раз как-то... неуклюже, что ли? Пару раз покушались на Мара.

Жаль, пришлось защищать.

– Собирайся, – велел Мар, появившись в очередной раз. – Хватит тратить твой талант на ерунду. Мне нужен личный помощник. Только, всех богов ради, надо что-то сделать с твоей любовью к идиотским костюмам...

Кирис склонил голову: хозяину не стоит перечить. А костюмы... что костюмы? На заводах грязища, к чему хорошую одежду портить.

– Кстати, – Мар заглянул под стол. Вот что он там надеялся увидеть помимо пыли? – Бросишь пить, женишься на моей сестре...

– Если нет?

– Два алкоголика в одном доме – это как-то чересчур.

Мар вытащил обрывок бумаги, понюхал и отправил в мусорное ведро.

– К слову, я вполне серьезно. Пора тебе выходить в эйты. Что? Это не так сложно, как кажется. А мне понадобится опора. Я все еще надеюсь стать канцлером.

Наверное, стоило бы почувствовать себя польщенным, но Кирис испытал лишь вялое раздражение. Пить? Он редко... по выходным, когда шепот моря в голове становится невыносимым.

...или когда приходит Вельма.

С ней хотя бы есть о чем поговорить. С мертвыми всегда есть о чем поговорить.

* * *

...два года.

Мар получил должность Министра воздушных путей.

...я сумела создать элементарную систему, способную понимать ряд голосовых команд. А сала Терес заполнил поредевшие было сокровищницы Ольса золотом. Он предпочитал именно его, почему-то не доверяя ни банкам, ни государственным бумагам.

Замок слегка ожил.

А у меня появился очередной племянник.

...еще год.

Система, дополненная полусотней камней, пусть размером не превышающих маковое зерно, стала стабильней и сохраняла в памяти несколько десятков типичных реакций.

...племяннице, которой исполнилось пять, я отправила золотой браслет с алмазным напылением. Хорошая, как оказалась, защита, особенно, когда решилась проблема подзарядки контура. Всего-то потребовалось, что пара камней в золоте и внешние выходы, позволяющие накапливать рассеянную силу извне.

Мой прототип обжил мастерскую.

...а система потребовала расширения.

Мне удалось значительно облегчить внешний скелет за счет модификации поликристаллического покрытия. И наверное, это уже было не так и нужно, но...

– Засиделась ты здесь, девонька, – сказал сала, глядя, как голем изучает портьеры. Он присел на задние конечности, широко расставив передние. Шевелились волоски на сенсорах, собирая информацию, а система натужно пыталась ее обработать.

Мощность придется увеличивать. И появилась у меня одна интересная мысль...

– Не обижайся, Эгле, – сала протянул руку и голем, как показалось, с немалым облегчением перебрался на ладонь знакомого и одобренного хозяином человека, – но это не то, что нужно молодой девушке...

– Уже не молодой.

– Брось, эйты живут дольше.

– Я не эйт.

– Сила есть, умения тоже... вон, Гедре восьмой десяток, а как цвела, так цветет...

– Женились бы.

– Женюсь, – согласился он, сунув палец к самым хелицерам. И голем осторожно обхватил его, заелозил ногами по коже, добавляя системе данных, которые она старательно сличала со старыми. – А ты чересчур уж увлеклась. Тварюка твоя... она, конечно, интересная, но в жизни должно быть еще чего-то помимо... муж там...

– У меня уже есть один.

Сала Терес лишь сплюнул, выражая отношение к моему браку.

– Дети...

Я кивнула.

Заведу.

Потом. Как-нибудь... пока... если не надстраивать систему количественно, но просто увеличить число связей? Допустим, каждый камень зацепить не за три, но за дюжину других? И создать перекрестья? Энергетические? С одной стороны они добавят мощности, но с другой могут дестабилизировать работу...

– Мне просто надо... завершить.

– Ты же понимаешь, что никогда не завершишь? – сала Терес осторожно ссадил голема на стол, чем ввел в немалый ступор. – Ты так и будешь переделывать то одно, то другое. Я понимаю, что кроме этого вот... у тебя ничего не осталось. Но ты больше ничего и не хочешь. А это неправильно.

– Выгоните?

Он покачал головой.

Верно... куда меня выгонять? Я же алмазы даю и артефакты, которые по-прежнему пользуются немалым спросом. Мне же нужно попробовать улучшить систему.

И у меня получилось.

А потом снова появился Мар...

Глава 13

Мы молчали.

Разглядывали друг друга и молчали. Наверное, он тоже понимал, что все уже сказано и отвечено, и вообще... к чему?

– Поздравляю, – сказала я, наконец, спрятав руки за спину. Его кожа была бела, я же... я же мало чем отличалась от коренных жительниц Ольса. И прежде меня это нисколько не смущало. – Корн написал, что твое назначение – дело решенное...

Мар поморщился.

И кивнул.

Вздыхнул, провел ладонью по волосам, разрушая идеальную укладку. Присел на грязный стол, чуть подвинув коробку с недорезанными пуговицами.

– Ты все еще хочешь развода? – поинтересовался он.

– Да.

– Держи, – он вытащил из-под полы плотный конверт, на котором алела бляха печати. – И... извини, что получилось вот так... как получилось. Я был молодым, глупым...

– А сейчас постарел и поумнел?

Для эйта его годы – не возраст даже. И канцлер из него получится отменный, если уж с портами справился.

– Слышала, – конверт я подвинула осторожно, – вы новую серию цеппелинов запускаете...

– Сверхлегкие и быстроходные, – кивнул Мар. – В основном для доставки почты и мелких грузов. Но есть и частные заказы.

– Верфи...

– Живут и, надеюсь, будут жить.

– А твои... наследники?

– Мальчик умненький, только, – Мар поморщился. – Упустил я его немного. Вот дочь – дело другое... как думаешь, если я ее объявлю наследницей?

– Будет скандал, – озвучила я очевидное.

Странный разговор.

И странный конверт. Нет, я узнала драконью голову королевской канцелярии. Стало быть, назначение и вправду... объявят о нем на излете года, ибо таков обычай, но это не мешает Мару приступить к обязанностям сразу.

– Будет, – он произнес это с некоторой обреченностью. – Ты открывай. Не бойся. Мне давно стоило сделать это, но... амбиции порой туманят разум. И начинаешь ценить вовсе не те вещи, которые следовало бы.

Печать хрустнула.

А в конверте обнаружился лист. Всего один. Плотный, пергаментный с характерными знаками, которые не только подтверждали подлинность, но и защищали лист, что от огня, что от воды, что от времени.

Чернила светлые.

Буквы аккуратные. Почерк Маров я знаю хорошо, но читать не получается.

...волей...

...признать брак...

...расторгнутым по обоюдному желанию... с выплатой... пожизненного содержания... в размере... право на долю...

– Это...

– Ты же хотела развод, – сказал Мар. – Если передумала, то я просто аннулирую документ.

– Нет, – я вцепилась в лист обеими руками. А то мало ли, вдруг ветер украдет, утащит в пропасть, попробуй потом вытащи оттуда.

– Я могу просто определить тебе содержание. Дом... дарственную я тоже приготовил. Тебе не обязательно торчать на этом острове...

– Что взамен?

Пальцы дрожали. Уехать... я не собиралась уезжать. Ольс – это не тюрьма... совсем не тюрьма... если бы я хотела, я бы могла... в любой день... просто сказать... вернуться домой, знать бы еще, где этот дом, но я привыкла к острову.

И у меня работа.

Была работа, потому что позавчера мне, наконец, удалось стабилизировать систему. И то, что получилось... жаль, рассказать об этом нельзя.

Нельзя было.

А теперь, получается... мое имущество – только мое, и если я напишу статью... да у меня в сундучке хранится треклятая дюжина всякого рода статей, начиная с нового типа шарнирных соединений, которые стоило бы запатентовать, и заканчивая гибкой кристаллической решеткой...

...патенты оформит Корн.

Не откажет.

Только...

– Не веришь? – Мар посмотрел с улыбкой.

– Знаю. Этот развод будет стоить тебе части репутации. И даже то, что ты уже получил печать, ничего не изменит. Твое положение слишком непрочное, чтобы рисковать. Значит, тебе что-то от меня нужно. Настолько нужно, что...

...нехорошо кольнуло.

А если он знает?

Если потребует моего голема... я... отдам? Работу всех потерянных для жизни лет? В обмен на свободу? Хорошая сделка?

– Хорошо, – Мар вытащил портсигар. – Не возражаешь?

– Раньше ты не курил...

– Да... работа нервная. Не представляешь, сколько вдруг появилось друзей, полагающих, будто только их стараниями я добился места. Проклятье, ты бы знала, как они меня достали... одним квоты увеличить, другим подряд организовать. Третьи и вовсе хотят невозможного. А еще моя семейка, чтоб ее...

Сигареты были тонкими, кофейного цвета и ароматом обладали сладким, терпким. Такие подошли бы девице, но и Мар умудрялся выглядеть органично.

– Меня хотят убить, – сказал он, выпустив облачко темного дыма.

Я чихнула.

– Извини...

– Да нет, кури, – над печью приходилось нюхать и куда более отвратительные вещи. Дым же... карамельный. Точно. – Но не удивлена. Ты редкостный засранец...

– Стараюсь.

– Это не комплемент.

Куча ветоши в углу зашевелилась, а я замерла: если Мар обернется...

...оно было небольшим, мое последнее творение. И металл я не просто покрыла пленкой кристалла, но сделала пленку многослойной, способной к изменению цвета, а потому в куче тряпья темного голема, почти сроднившегося с этой кучей, рассмотреть было крайне затруднительно.

Но Мар...

Я покачала пальцем, и голем замер.

Он получился на редкость сообразительным, как по мнению сала, даже чересчур, хотя я не рискнула бы говорить о разумности.

– Это кто-то из моих... не знаю... матушка? Я отказался делать ее любовника министром. Не потому, что он любовник матушки, но просто он невероятно тупой самовлюбленный ублюдок.

Голем слегка шевелил передней парой конечностей, будто прислушиваясь к Мару.

– А матушка, кажется, растеряла остатки разума... влюбилась она... в ее-то годы... впрочем, не важно. Пусть бы любила, я не мешаю... Сауле тоже... требует свою долю в верфях, но пускать ее нельзя, потому что у нее талант разрушать все, до чего она дотягивается. Я плачу содержание, но ей мало. Лайма до сих пор злится из-за тебя. В свете ей время от времени напоминают... сын мой... юноша со странностями. Дочь слишком юна, благо, Лайма не слишком ей интересовалась, поэтому не успела испортить.

– Зачем ты мне это рассказываешь?

– Я хочу, чтобы ты отправилась со мной на Бейвир. Мне придется умереть...

– В смысле...

– В прямом. На меня трижды покушались.

– И ты... это лишено смысла, – я присела и расправила юбки, стараясь не смотреть в угол, где голем копошился в тряпье, цепляя его на спинку, которая покрылась острыми шипами. Он подобрется ближе. Он пока не решил, представляет ли чужой человек – а жителей острова он успел запомнить – опасность. Но оставлять его без присмотра малыш не был намерен.

Спасибо.

– Сам подумай. Если ты умрешь, то... во-первых, тот, кто займет твое место, точно не станет продвигать любовника твоей матери. А с живым, с тобой можно договориться. Далее. Верфи. Кому они отойдут? Подозреваю, что не Сауле. Только полная дура может рассчитывать, что ее пустят в правление. А Сауле, насколько помню, не так уж глупа... что до твоей жены. Лайма имеет шанс стать первой после королевы. И все, кто еще вчера над ней посмеивался, заткнутся. Думаешь, она этого не осознает?

Мар отломил пепел о край глиняной тарелки.

– Я тоже про это думал... и так, и этак... только, понимаешь, это не мог быть чужак. Не мог! Я никому не рассказывал, что не переносу розовый перец. Не просто не люблю, но у меня горло отекает, задыхаться начинаю. И вот как-то за семейным ужином подали крембрюле с цитрусовой глазурью. Благо, не успел съесть много... все свалили на новую помощницу кухарки, как раз третий день трудилась. Она, правда, клялась, что розовый перец не использовала, что его и на кухне-то не было никогда. Мне повезло в тот раз.

– Случайность? – предположила я, подвигая ногу.

И голем мигом шмыгнул под юбку.

Острые коготки пробили и гетры, и чулки из местной толстой шерсти, чуть царапнули кожу.

– Знаешь... я почти себя убедил, что да, случайность, пока однажды вечером не споткнулся на лестнице. На ровном, мать его, месте! – он загасил остаток сигареты. – Я его вдоль и поперек излазил... Если бы не зацепился тогда за перила... а я ведь из кабинета с бумагами выхожу... как правило... руки заняты... тогда просто что-то понадобилось, не помню, что именно... ерунда какая-то, а колокольчик, которым Кириса вызываю, пропал куда-то. Я и выскочил. Быстро. Помню, злился, что отвлекаться приходится, а пол вдруг из-под ног вывернулся...

Коготки исчезли, но ногу мою обвили конечности голема, сомкнулись сомнительного свойства украшением.

– И главное, ничего... ни следа... я уже не только магию искал, хотя бы нитку какую, которую поперек лестницы натянули, но нет. В третий раз букет появился. Вроде обыкновенный, но... слышала про шермский многоцветник?

Я кивнула.

Кто ж не слышал. Дурманный цветок с тягучим плотным ароматом, который на одаренных оказывает престранное влияние. Сперва отмечается немалый прилив сил, в скором времени, однако, сменяющийся беспричинной тоской.

Сила выходит из-под контроля, а в голове появляются мысли крайне нехорошего свойства.

– Я не сразу понял... то есть, я бы, наверное, вообще не понял, если бы не Кирис... снял меня с башни. Как я там оказался? Не помню. Но помню, что очень хотел шагнуть в пустоту. Полетать. До сих пор... – Мар стиснул кулаки до побелевших пальцев. – Во сне вижу этот край... и желание такое... почти непреодолимое. Понимание, что все вокруг напрочь лишено смысла, что... только в смерти он есть.

Ого... а вот это уже не случайность.

Шермский многоцветник не растет на островах. Разве что... в оранжереях.

– Верно. Моя матушка увлекается разной... экзотикой.

Я поежилась.

– У нее изрядно... всякого собралось. Пытались расследовать...

– Без результата?

– Отчего же... мой камердинер сбежал. На него и свалили вину. Объявили имперским шпионом.

– Ты не веришь?

– Он был клятвой крови связан. Правда об этом знали я и Кирис.

Что за Кирис такой, которому этакое доверие оказано?

– И при чем здесь я? Ты не подумай, я сочувствую...

Теперь, держа в руках бумагу, которая высочайшею волей даровала мне свободу от брака, я была готова проявить милосердие. И даже пожалеть уже, к счастью, бывшего мужа.

– Мы думаем, что это не прекратится, что меня попытаются убить снова, и не факт, что новое покушение удастся предотвратить. Поэтому я умру. А все свое имущество оставлю тебе.

– Что?!

– Завещание я уже составил...

– Мы в разводе!

– Со следующего месяца. Эгле, когда ты научишься правильно читать документы?

Наверное, никогда.

Я развернула бумагу и убедилась. Так и есть, рано радоваться – целый месяц я еще числилась законной супругой Маруна Ильдиса, чтоб его демоны за пятки грызли. Та толика благодарности, которая появилась было в моей душе, немедленно истаяла.

– Послушай, Эгле, – в голосе Мара появились мягкие нотки, и я насторожилась: вот определенно пакость задумал. – Я понимаю, что это... неприятно. Будет очень неприятно, но кроме тебя мне некому помочь. Ты ведь не хочешь, чтобы меня убили?

– Не знаю, – честно ответила я. – Если тебя убьют, развод мне не понадобится. Стану честной вдовой...

– Нищей вдовой.

Ну... это как посмотреть. Та шкатулка с алмазами, которые были моей долей от совместного предприятия, подозреваю, не позволит мне сгинуть в нищете и безвестности. Да и счет, открытый, правда, на имя Корна, пополнялся с завидной регулярностью.

И вообще...

– Эгле, это всего-то месяц... не буду лгать, что это единственный способ. Я просто хочу умереть и взглянуть на это дело со стороны. А еще не хочу скандала. Как понимаешь, одно дело слегка... безумная супруга.

– Безумная?

– Самую малость, – он показал, насколько эта малость мала, почти, считай, незаметна. – Нормальные люди не бегут от успешного мужа, чтобы десяток лет провести в никому не известной глуши.

Оно, конечно, может и так... но эта конкретная глушь была вполне себе пригодной для жизни. И для работы, что куда как важнее.

– В последнее время я заговаривал о том, что поступил с тобой несправедливо... что мне следует пересмотреть дела прошлые, что... в общем, твое появление сочтут закономерным шагом... я заявил, что еду с тобой мириться.

И меня, само собой, не спросил.

– Эгле, – Мар преочаровательно улыбнулся. – Все просто... ты едешь со мной и помогаешь, тогда бумага остается у тебя. Или же... я ведь могу ее и отменить.

– А что тебе помешает отменить ее после?

Голем зашевелился, переползая повыше.

– Клятва крови?

Что ж...

Выбор у меня есть. Месяц... один-единственный месяц... я ждала столько лет, а теперь...

– Меня ведь попытаются убить?

Я бы вот на месте благодарных родственников покойного всенепременно попыталась. Конечно, можно пойти другим путем, опротестовать завещание, сославшись на явную неадекватность завещателя, – адекватные люди не завещают имущество безумным, даже самую малость безумным, женам – но это долго и дорого. Убить проще.

– Очень на это надеюсь, – улыбка Мара стала шире. – Но ты не переживай. Кирис о тебе позаботится. Он у меня ответственный.

Глава 14

Остров Ольс сверху казался крохотной бусиной на сизом полотнище моря. Цеппелин поднимался медленно, будто позволяя мне смириться с мыслью, что вернусь сюда я не скоро.

Месяц.

Это ведь недолго, верно?

И клятва принесена, сала Терес сам ее составлял, а ему я верила. И он сказал, что мне, пожалуй, будет полезно, а если уж Мар вздумает душить, то упокоить покойника всяко проще, нежели человека живого. Мне всего-то надобно, что знак подать.

Я вцепилась в сумочку обеими руками.

Было ли страшно?

Было.

Я все-таки сроднилась с Ольсом за эти годы, а теперь... вон обрыв и красные скалы, к которым лодки крадутся осторожно, зная, что скальная подошва протянулась далеко в море, и острые пики рифов прорастают на ней цветами капризной Эйры.

Вон зелень пологого южного берега, такая нарядная, несмотря на осень.

И север, с которого тянет туманом.

Лодки.

Лодчонки. Снуют муравьями, ткнут нити тайных путей...

– Волнуешься? – Мар появился за плечом, и сумочка моя дернулась. Все же Этне мой почти бывший муж активно не нравился. Я положила на сумочку ладонь.

– Волнуюсь. Все же... не каждый день тебя будут убивать.

– Не переживай, это только в первый раз страшно. Потом как-то привыкаешь даже...

– Как-то не хочется мне к такому привыкать.

Мар пожал плечами и отвернулся. Молчал он довольно долго, явно испытывая некоторое стеснение, и я даже знала, отчего: смотрелись мы нелепо. Он в роскошном костюме, сшитом на заказ, а потому идеальном от ниток до костяных пуговиц, и я в платье, тоже шитом и почти на заказ – на острове иных не было – только из грубоватой плотной ткани.

Бурое.

И сине-желтые узоры лишь удивительным образом подчеркивают общую его невзрачность. Кожаный пояс с заклепками. Несколько кошельков, с него свисающих, и отнюдь не все для денег.

Короткие волосы.

Темная обветренная кожа. На руках кожа и вовсе потрескалась. На ночь я смазывала ее китовым жиром, но трещины не спешили заживать.

– Мне нужно будет выходить в свет? – уточнила я на всякий случай.

– Если ты того хочешь.

Не знаю. Я сунула палец в рот и мысленно отругала себя за дурную привычку грызть ногти. В свете этого точно не поймут. Но... волосы можно отрастить, пусть и не косу до пояса, но сделать чуть длиннее... я ведь не собираюсь работать там?

Или собираюсь?

С кожей поработают. Гардероб... да, сейчас меня в приличный дом и служанкой не возьмут, не говоря уже о жене. Или сумасшедшим позволено? С другой стороны, даже если я неделю в салонах проведу, более благородной мне не стать. Они давно уже составили свое мнение, и длина волос на него никак не повлияет.

– Ты спешишь? – уточнила я.

Мар кивнул.

– Стало быть, сойдет... потом... думаю, у тебя в поместье найдется кто-нибудь, кто поможет разобраться с этим, – я почесала щеку.

Соль и вправду въедалась в кожу.

– Знаешь... – Мар окинул меня насмешливым взглядом. – Ты права... пожалуй, так будет даже лучше... только, Эгле... прошу лишь... постарайся держать себя в руках. Я знаю, что мои родные далеко не всегда приятны в общении и порой выводят из себя. Но... просто постарайся продержаться.

– Месяц?

Уже чуть меньше, но...

– Месяц, – подтвердил Мар.

– А ты... – я постучала пальцем по стеклу, за которым проплывали рыхлые облака. – Не хочешь рассказать, кого подозреваешь сам?

– В том-то и дело... – Мар отвернулся от окна. – Я... не хочу никого подозревать. Я был бы рад получить иное объяснение... любое иное объяснение.

Но логика убивала надежду.

Бывает.

* * *

...мы прибыли ближе к вечеру. Помню темное, какое-то бархатистое небо с россыпью мелких, в полтора карата, звезд. Луну, что повисла над морской гладью, явно любясь собственным отражением. И тень цеппелина на воде.

Быстрый.

И надежный.

Почти бесшумный. Комфортный... и чем дальше, тем меньше хотелось покидать свою каюту.

– Справимся? – поинтересовалась я. И темные жвалы щелкнули, выражая согласие. – Веди себя хорошо и постарайся лишней раз не попадаться на глаза...

Нет, у меня имелся паспорт, благо, империя запустила производство големов-спутников, тех самых собачек и кошечек, способных ходить, лаять и выполнять простейшие команды. Впрочем, игрушки эти – не могла же я пройти мимо такой новинки – были на диво примитивны, хотя по словам салаа Терес пользовались немалым спросом.

Так что паспорт имелся.

И свидетельство, что голем оный, выполненный по специальному заказу, принадлежит Корну. Этого хватит для людей несведущих, а вот попадись моя Этна на глаза кому-нибудь, кто хоть немного понимает в артефакторике...

Я тронула бусы.

И браслет.

От прямого удара они защитят, выдержат и огненный шторм, благо, синхронизация минералов оказалась настоящей находкой, но вот от яда... или от дурмана... на амулеты надеяться не стоит.

Со стороны они мои казались жалкими стеклянными бусинами, кое-как отшлифованными и нанизанными на суровую нить. Нить, к слову, была и вправду суровой, местной, которой рыбаки прошивали темные акульки шкуры. Не знаю, из чего их делали – еще одна маленькая местная тайна – но нить эта способна была выдержать вес взрослого человека, а уж гниению и разложению вовсе была не подвержена.

– Эгле? – Мар нахмурился. – Может... у меня жемчуг есть.

– Рада за тебя.

Бусы я погладила.

Кусочки серебра, выполнявшие роль передатчиков – серебро на удивление легко поглощало энергию, разлитую в воздухе – ошутимо нагрелись. Все же над остаточным полем двигателей стоило поработать. Пока оно распределяется равномерно по ребрам гондолы, особого неудобства пассажирам не доставит, но если мощность двигателей увеличится или цеппелин окажется в насыщенном поле, где рассеивание невозможно, это чревато внутренним износом.

Надо бы сказать Мару...

Или не надо?

– Ты... уверена?

Уверена.

Я подхватила сумочку, в которой тоже не было ничего изящного – сшитая из акульей кожи, все той же нитью, украшенная камешками и ракушками, она хранила в себе много интересного. Помимо Этны, которая, несмотря на размер, весила прилично.

Обычный дамский шелк не справится.

А я...

Переживу насмешки. Наверное.

Цеппелин пристал к швартовочной башне, и к гондole протянулась зыбкая лента моста. Я видела и этот мост, укрепленный силой, и полупрозрачную пелену защитного поля, и саму башню...

– Вниз не смотри, – предупредил Мар. – Голова закружится.

Я глянула.

Море.

Скалы... вот, к слову, если бы я собиралась устроить несчастный случай любимому родственнику, в жизни не упустила бы столь удобный момент. А потому... я присмотрелась к плетениям. И опять... и снова...

– Эгле, это совершенно безопасно... – Мар первым ступил на мост и...

Я успела заметить тонкую нить заклатья, нырнувшего в плотный защитный полог.

– Стой, – я схватила бывшего за руку. – Отступи.

– Эгле...

– И наступи опять.

Мар, хвала богам, сообразил, что это не женская придурь. Он подчинился. Шаг к цеппелину. И шаг на мост... снова искра и уже едва заметная дрожь.

– Еще.

На третий раз он и сам почувствовал неладно.

– Что за...

...а вот и критический узел, замигал, готовый погаснуть в любой момент. А я с восторгом почти наблюдала, как наливаются силой энергетические линии, пытаюсь компенсировать кажущуюся потерю, но узел, получая силу, только больше дестабилизируется.

– Мар...

– Назад, – рявкнул он, за шкуру втащив меня в цеппелин.

А спустя пару мгновений мост просел.

Сперва просел.

Вот лопнул левый ведущий контур. Спустя мгновение посыпались вторичные структуры... и правый провис, даже показалось, что выдержит, однако нет. Это было даже красиво. Искры желтые, искры алые, бегут, летят, подсвечивая металлическую опору, которая, лишенная энергетического скелета медленно выгибается под собственной тяжестью. Что-то заскрипело, заскрежетало, ухнуло вниз...

– Твою ж... – Мар был бледен. И дрожал. Он не хотел показывать страх, однако я видела его так явственно... а еще видела закушенную губу и боль в глазах.

Обидно, наверное, когда тебя предают люди, которых ты считаешь семьей.

* * *

Двумя часами позже я сидела в гостиной и старалась делать вид, что ко всем прочим недостаткам я еще глуховата...

– ...конечно, это она, больше некому! – эйта Ирма Ильдис не скрывала раздражения. Голос ее был звонким, резким.

И громким.

Во всяком случае, слышала я ее и без усилителя. Но с усилителем – крохотный камушек прижался к стене – куда как лучше.

– Мама, ты говоришь глупости, – голос Мара звучал тихо. – Зачем Эгле меня убивать?

– Потому что она тебя ненавидит.

Сумочка на столе зашевелилась. Все же способности системы к анализу порождали некоторые недостатки, вроде несвойственного нормальным големам любопытства. Этна высунула передние конечности и распушила чувствительные волоски.

Слушает?

И записывает. Надо будет пересмотреть кристаллы, я, конечно, помню момент крушения, но не настолько хорошо. Глядишь, и усмотрю что-нибудь интересное. Что бы там Мар ни вообразил себе, я не собиралась играть роль безмолвной жертвы.

– Мы помирились, – а теперь я слышу в этом голосе усталость.

Я шевельнула пальцами, тронула простенькое кольцо управления, послав Этне мысленный приказ. И голем понял. Она выбралась из сумочки, замерла на мгновение, сканируя пространство комнаты. Энергетические возмущения были слабыми, вряд ли кто-то обратит внимание, но все же...

Я тоже осмотрелась.

Окно. Одно. Большое. Забрано узорчатой решеткой. Стекло поблескивает, в нем отражается невзрачная девушка с отвратительной стрижкой. Да... получилось чересчур уж коротко, пожалуй.

Стены.

Обои в тонкую полоску.

Белоснежная мебель, расставленная с той показной небрежностью, которая получается после тщательной планировки. Обивка в лазурных тонах. Дымчатый ковер на полу.

Статуэтки.

И еще массивный конь из серебра, в котором мне заподозрился артефакт, но, прикоснувшись, я убедилась, что конь был просто конем. Цельнолитым.

Что ж...

Этна, скатившись на пол, сменила окраску. Она двигалась быстро и бесшумно, а, нырнув под буфет, вовсе замерла.

– Это ты думаешь, а она... низкорожденные на редкость мстительны.

Кто бы говорил.

– Матушка... при всем желании Эгле не сумела бы повредить энергетическую структуру моста, – теперь Мар говорил медленно, делая паузу между словами. – Это... требует времени.

– А мне кажется, вы преувеличиваете, – надо же, столько лет прошло, а я помню этот голос, который звенит серебряными колокольцами. – Конечно, случай неприятный, но папенька говорит, что случается всякое... у нас как-то на верфях тоже мост рухнул...

...а вот это надо будет проверить.

Хотя... как я это сделаю? С другой стороны, почему я? Пусть Мар этим займется, у него, покойного, времени хватит.

– Дефект конструкции и только. Я рада, дорогой, что ты не пострадал.

Как по мне, прозвучало не слишком убедительно.

– И что ты собираешься делать с этой девкой?

Сауле.

Красавица Сауле, рядом с которой я и раньше ощущала себя ошибкой природы, что уж говорить о днях нынешних. Вряд ли она сильно изменилась.

Эйты не стареют.

Я улыбнулась. Что ж... как-нибудь да уживемся со всеми ними. Сумасшедшим ведь можно не понимать, что им не рады.

Сумасшедшим, если хорошо подумать, вообще позволено куда больше, чем нормальным людям.

– Это моя жена, Сауле. И я надеюсь, что ты будешь относиться к ней с должным уважением.

Ага... а в ответ кто-то фыркнул. Я даже знаю, кто.

– Вы все будете относиться с должным уважением. Если, конечно, матушка ты не передумала оплачивать векселя твоего любовника...

– Мар!

– А ты, дорогая, надеешься увеличить содержание... тебя, Лайма, это тоже касается.

Любить меня больше не станут...

Что ж... любовь их мне без надобности, а с ненавистью я как-нибудь да справлюсь.

– Через две недели состоится большой прием. И мне кажется, нам следует продемонстрировать единение семьи...

Чушь, но звучит почти убедительно.

– Его Величество изволил выразить желание. И не мне вам говорить, что некоторые пожелания лучше исполнить. А еще мне стоило немалых трудов уговорить Эгле приехать. Поэтому, если я решу, что кто-то из вас собирается... навредить семье, я приму самые суровые меры.

Даже я впечатлилась.

Немного.

Этна тонко свистнула, предупреждая, что к дверям идут. Спасибо, дорогая. Я убрала камень и подумала, что личные покои нужно будет обезопасить. Проклятье, с защитой я как раз и не работала.

Придется сочинять.

Глава 15

– Эгле, – Мар появился на пороге гостиной и протянул руку. – Идем. Пришло время возобновить старые знакомства. Матушку мою ты помнишь...

...все-таки я была не права. Годы коснулись старшей Ильдис, урожденной Кейне, дворянской племянницы самой королевы. Они оставили на коже едва заметные тени морщин. Полагаю, если бы не целители, тени были бы глубже, явнее, но...

Глаза светлые.

Взгляд недобрый.

А в остальном леди была верна себе: спокойна и демонстративно-равнодушна.

– Она ведет хозяйство... поэтому, если что-то понадобится, говори ей.

...и тогда точно это, понадобившееся вдруг, не получу. Или получу в виде, совершенно непригодном для использования. Спасибо, что предупредил.

– Она выглядит жалко. И даже уродливо.

Спасибо, вы мне тоже глубоко симпатичны.

– Это платье... его только сжечь. Ты уверен, что на нем нет блох?

– Он не проверял, – ответила я за Мара. – Но вы не переживайте, блохи в таких домах не приживаются. Атмосфера, знаете ли, давит. А они – твари нежные... не то, что люди.

– Мар, она...

– Разговаривает, – я улыбнулась, уже вполне себе искренне. – А вам в вашем возрасте нервничать нельзя. Морщины глубже станут. Потом ни один амулет не справится.

– Сауле, – Мар предпочел сделать вид, будто ничего особенного не происходит. – Надеюсь, ты тоже ее помнишь...

– Ее забудешь, – проворчала я.

– И ты позволишь этой выскочке оскорблять маму? – Сауле ткнула в меня мизинцем, за что и получила по руке. А рука у меня стала тяжелой. – Мар!

– Веди себя прилично и все будет хорошо...

Ответом ему было гневное пыхтение.

– Лайма... моя... гм... жена...

– Первая, – пропела Лайма, очаровательно улыбаясь. – Не беспокойтесь, Эгле, я прекрасно понимаю, насколько неуютно вам здесь...

А вот она изменилась мало, разве что исчезла прежняя хрустальная легкость, сменившись мягкостью линий. Лайма была... пожалуй, совершенна.

Хрупка, но в меру.

Приятно округла именно там, где прилично было быть округлой. Нежна. Мила...

...ядовита, как гармская кольчатая сколопендра.

– Я помогу вам, – сказала она, касаясь меня осторожно. – В конце концов, мы одна семья...

Сауле откровенно перекошило. И взгляд, которым она наградила Лайму... кажется, далеко все не так радужно на родовом острове Ильдисов, как это пытаются представить.

– Мой сын...

...только теперь я обратила внимание на бледного юношу, сидевшего в углу. Он был... пожалуй, красив, хотя чересчур уж бесцветен.

Нескладен.

И зол.

На лице, черты которого были столь совершенны, что это казалось уродливым, застыло выражение одновременно капризное и обиженное.

– Йонас, – пропела Лайма. – Подойди, познакомься с тетушкой Эгле.

Он послушно поднялся, шагнул, но как-то бочком, всем видом показывая, что подчиняется матушкиной просьбе, но ни малейшего удовольствия это ему не доставляет.

Выше меня на голову. Сколько ему? Что-то около шестнадцати. Стоит. Смотрит. На меня, а будто бы мимо.

– Йонас! – резкий оклик этны Ирмы заставляет его очнуться.

– Очень. Рад.

Прозвучало так, будто меня по батюшке послали.

– И я рада.

А наш сын... если бы у нас с Маром был сын, он бы тоже стал таким? Эйтом... благородным до рези в зубах.

– К сожалению, представить дочь я не могу. Она наказана.

– Что произошло? – Мар помрачнел.

– Ты же знаешь отвратительный ее характер... девчонка нахамила Йонасу, а после облила чернилами. Пусть подумает над своим поведением. Ты совершенно ее распустил, – упрек был мягким, не упрек даже, скорее Лайма позволяла себе выразить некоторое недоумение.

– Завтра познакомишься, – сказал Мар.

– Ей неделю запрещено покидать комнату...

– Заглянем сами.

– Марун, я не думаю, что Эгле так уж интересны чужие дети... – и робкий взгляд из-под ресниц, в котором помимо робости читается что-то иное, отнюдь недружелюбное.

А мальчишка разглядывает меня.

Недоуменно.

Насмешливо? Разве что самую малость. Изучающе. И интерес этот холодный мне не нравится. А главное, почему Мар сбросил со счетов сына? Наследник ведь... пусть еще до законного совершеннолетия ему пару лет, но, сдается, матушкой, которая скорее всего стала бы опекуном, мелкий засранец вертит, как ему вздумается.

Впрочем, я пока смотрю.

– Мне будет... интересно познакомиться. Надеюсь... мы подружимся.

– Я в этом уверена, дорогая, – Лайма взяла меня за руки. – Ты позволишь... немного поработать над твоим внешним видом? Я не говорю, что ты выглядишь плохо, но при дворе... люди злы.

– Конечно.

И улыбнуться.

Радостно так... сумасшедшим позволено быть счастливыми без особых на то причин.

* * *

...комнаты мне отвели роскошные.

Огромная гардеробная, правда, было в ней пусто, и пара моих чемоданов смотрелась откровенно жалко.

Спальня с кроватью, где поместились бы трое.

Ванная комната.

Кабинет.

Гостиная... сдержанные тона. Светлые шпалеры. Темные обои. Картины... пейзажи незнакомые, но вполне себе миленькие. Вазы. Букеты.

Я не поленилась заглянуть в каждый, а то мало ли каких сюрпризов ждать.

– И что ты об этом думаешь? – поинтересовалась я у Этны, когда та соизволила вернуться к хозяйке. Забравшись на туалетный столик, инкрустированный костью нарвала и серебром,

Этна замерла. Только волоски на спинке ее чуть подергивались. – Вот именно... влезли в дерьмо, а могли бы просто отсидеться, глядишь, овдовели бы тихо-мирно...

Этна засвистела.

И подобралась ближе, повернулась боком, подставляя чувствительную полосу на боку.

– Красавица...

Она согласилась.

– План дома сделаем? Сделаем... но сначала защита. А то ведь мало ли... местным я особо не доверяю. Вон, в чемоданы полезли... кто, спрашивается, разрешал? То-то же...

Вскрыть не удалось, но все равно было обидно.

* * *

Начала я от дверей.

К слову, дверей нашлось четыре, и если одна выводила в коридор, то три остальные были заперты и скрыты панелями. И сомневаюсь, чтобы Мар о них не знал. Почему не сказал? Позабыл? Не счел важным?

Плевать.

Я прикрепила к порогу по камню, выбрав покрупнее, все же площадь довольно-таки велика. Еще несколько поставила на потолке. Этна с легкостью взобралась по гладкой стене, оставив, правда, мелкие дырочки следами когтей. Но издали они были незаметны, а вблизи мои стены разглядывать нечего.

Несколько камней крохотных, дополнительными узлами – конструкция будет сложная, стоит укрепить. И пара рун на пороге.

Пара капель крови. Не совсем, чтобы запрещено, но... на острове Ольс помнят старые слова. И руны... раньше мне рунная магия казалась древностью.

Громоздкая.

Занудная.

И неэффективная.

Да... громоздкости в ней хватало, занудности тоже, а вот эффективность... все зависит от того, чего ты хочешь добиться.

Я выстроила скелет будущего заклятья, и силовые нити легли ровно, аккуратно. Я уже забыла, до чего легко работается в нормальном стабильном поле. Следующие полтора часа прошли для меня деятельно, хотя сомневаюсь, что кого-нибудь из обитателей дома моя деятельность порадует.

Но мы-то не о них думать должны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.